

АЛЕКСАНДР ЯШИН

Бессонница

Фото М. Болотова

人道主義仁人經商學 仁商經學

И з д а т е л ь с т в о
• СОВЕТСКАЯ РОССИЯ •
М о с к в а — 1 9 6 8

АЛЕКСАНДР ЯШИН
БЕССОННИЦА

Лирика

P2
96

7-4-2
1967

В НОЧЬ ПОД ПЯТЬДЕСЯТ

За многие годы моего существования я выработал рецепт человеческого счастья: стать на место очень хорошего и обязательно очень талантливого человека — и никакого тебе больше счастья не надо. И вот я становлюсь на место очень любимого мною человека и поэта Александра Яшина. И я действительно счастлив. Потому что я забыл, что приближается моя ночь под шестьдесят. И сейчас я в образе Александра Яшина помолодел на десяток лет, а в моем возрасте это не так уж мало.

Большой, сложный и не всегда точный путь прошел этот хороший поэт. Но если бы этот его путь был асфальтированным, то на кой черт ему моя помощь.

Я произвожу впечатление весьма скромного человека. Но тот, кто обо мне так думает, глубоко ошибается. Эгоист я порядочный. И сегодняшний мой эгоизм заключается в том, что я от всей души, первый хочу поздравить Александра Яшина с его пятидесятилетием.

И еще мой эгоизм заключается в том, что я всегда хотел прикурить от божьей искры. В этом смысле я противоположен Александру Яшину. Его творчество напоминает мне хорошо наполненную печь, где с каждым годом все лучше и лучше выпекается свежий пахучий хлеб советской поэзии.

Мне очень много приходилось работать с молодыми поэтами. И очень, очень редко для меня их творчество было как открытие Ермаком Сибири. Я проезжал станции, давно отмеченные на географических картах. Иногда мне даже казалось, что эти станции существовали до изобретения паровоза.

А Сашу Яшина я знаю уже не первый год. И люблю я его не только потому, что мы ехали с ним в одном поезде, а потому, что мне удивительно нравится ходить с ним пешком по тому удивительному пути, который ведет к поэзии.

И вот, состоя с ним в одном Союзе советских писателей, я очень хачу, чтобы нам надолго, надолго хватило мускулатуры и энергии для нашего великого дела.

Михаил Светлов

27 марта 1963

Совесть

ПО СВОЕЙ ОРБИТЕ

Я как будто родился заново,
Легче дышится, не солгу,—
Ни себя, ни других обманывать
Никогда уже не смогу,
Если б даже хотел, не смогу.

Жизнь при всех ее изменениях,
Мир во всех его измерениях
Для меня теперь по плечу,
Сам за все отвечать хочу.
Так свободны мои движения,
Словно в первый раз от рождения
По своей орбите лечу.

Не вещун
И не старый с виду я,
Так же в праведники не гожусь,
Только большие к людям тянуусь.

И горжусь:
Никому не завидую,
За непризнанных не боюсь.

Боль чужую все глубже чувствую,
Не могу пьянеть без вина,
Не польщусь на славу стоустую,
Коль без пользы людям она.

Ни к безверию, ни к сомнению
Не причастна душа моя,
Просто стало острее зрение:
Повзросло мое поколение,
Вместе с ним повзросел и я.

1959

ПЕРЕХОДНЫЙ ВОЗРАСТ

Тревожно и грозно,
Тем боле, что поздно
И мой наступил
Переходный возраст.

Не слабым слыву,
А в голос реву:
Туда ли плыву я?
Так ли живу?

И спать не могу
И есть не могу:
В долгу перед всеми,
А что я могу?

Как пень на лугу,
Как тень на снегу,
Как серый валун
На морском берегу...

Чье сердце смягчил?
Кому подал руку?
Кому облегчил
Душевную муку?

Чью старость утешил?
Кого осчастливил?
Кого на дорогу
На торную вывел?

Пред всеми в долгу я,
А чем помогу?
Я много могу.
Ничего не могу.

От горя ушел,
От хвори ушел,
От смерти ушел --
От себя не могу.

1959

Страшно любить и быть нелюбимым,
Жить с людьми,
А слыть нелюдимым,
Страшно недруга боготворить,
Правдою клясться
И зло творить.

Но я не знаю страшней мученья,
Коль пропадает к работе влеченье,—
Руки людские
И душу жаль:

Вдруг непослушным станет рояль,
Для живописца померкнут краски,
Скульптор на глину глядит с опаской,
Мрачен ученый — прозренья нет,
И не подходит к столу поэт.

Все как болезнь.
А есть ли леченье?

Только терпенье, одно терпенье:
Выдюжить, выждать —
И в свой черед
Все образуется, боль пройдет.

1959

В несметном нашем богатстве
Слова драгоценные есть:

Отечество,
Верность,
Братство.

А есть еще:
Совесть,
Честь...

Ах, если бы все понимали,
Что это не просто слова,
Каких бы мы бед избежали.
И это не просто слова!

1957

СПЕШИТЕ ДЕЛАТЬ ДОБРЫЕ ДЕЛА

Мне с отчимом невесело жилось,
Все ж он меня растил —
И оттого
Порой жалею, что не довелось
Хоть чем-нибудь порадовать его.

Когда он слег и тихо умирал,
Рассказывает мать,
День ото дня
Все чаще вспоминал меня и ждал:
«Вот Шурку бы... Уж он бы спас меня!»

Бездомной бабушке в селе родном
Я говорил: мол, так ее люблю,
Что подрасту и сам срублю ей дом,
Дров наготовлю,
Хлеба воз куплю.

Мечтал о многом,
Много обещал...

В блокаде ленинградской старика
От смерти б спас,
Да на день опоздал,
И дня того не возвратят века.

Теперь прошел я тысячи дорог —
Купить воз хлеба, дом срубить бы мог...
Нет отчима,
И бабка умерла...

Спешите делать добрые дела!

1958

ТОРЖЕСТВЕННОЕ ОБЕЩАНИЕ

А разве кто сомневается
В том, что Земля вращается,
Что время свое берет?
Добреет и оснащается
Отчизна из года в год.

Добрее и совершеннее
Становится человек.
И нас, мой друг, без сомнения
Дорогами преображения
Ведет непреклонный век.

Не смять никаким
обстоятельствам
Любви нашей к красоте,
К душевной чистоте.
Одно у нас обязательство —
Не изменять мечте.

Давай же будем правдивыми
И впредь
Во всем
До конца:
Бренчаниями фальшивыми,
Писаниями хвастливыми
Не разогреть сердца.

Во имя грядущего нашего
Попробуем не приукрашивать
Ни мыслей своих, ни заслуг,
Ни прошлого, ни настоящего.
Ужели не сможем, друг?

Ужель и с такими близкими,
Родными,
Как мы с тобой,
Нельзя до конца быть искренним,
Доверчивым и невыспренним,
Простым,
Как с самим собой?

1959

ПУСТЫРЬ

Сколько лет мы видим этот дом —
Ни куста, ни деревца кругом.

Своего соседа не пойму.
Как же так:
Весь век в своем дому,
На земле родной,
Землею жить —
И не знать ее, не полюбить?
Очень занят?
Некогда ему?

Хоть бы раз он руки натрудил:
Если ни цветов, ни деревца,
Хоть бы редьку, что ли, посадил,
Вырыл бы канавку у крыльца:
В дождь не лужи были бы — ручей...

Самых правильных его речей
Не могу дослушать до конца:
Вдруг встает перед глазами дом
И пустырь...
Сухой пустырь кругом.

1958

МОСКВА — ВОЛОГДА

С каждым часом ощутимей север,
Остановки реже,
Гуще лес,
Пахнет смолкой вперемежку с сеном,
И все больше узпается мест.

Торопясь, схожу на полустанке,
Словно на приветный огонек,
Чтобы взять за рубль у северянки
Влажной клюквы маленький кулек.

Для меня все ягоды здесь сладки.
И приятно и смешно, что их
Продают в листочках из тетрадки
Иль в обрывках «Жития святых».

Замелькали топкие болота
С голубыми окнами озер,
Наконец — подъем за поворотом,
И пошел густой сосновый бор,
Строевой,
В косых лучах по пояс,

Золотом пронизанный насквозь...
Словно к морю вдруг пробился поезд,
Даже небо выше поднялось.

Дома я!
На все гляжу с любовью,
Радостно от птичих голосов.
Никакие парки Подмосковья
Не заменят мне моих лесов.

Радуюсь обновам животворным —
Домам,
Трубам, влитым в синеву,
Плеску волн на море рукотворном,
Лесосекам с грохотом моторным...
И одним все —
Нежным и просторным,
Добрый словом В о л о г д а зову.

Дома я!
И сердце бьется с силой!
Мимо, мимо за верстой верста...
Что кому,
А для меня Россия —
Эти вот родимые места.

1958

НЕУЛЫБЧИВОМУ ЧЕЛОВЕКУ

Не могу мириться с немотой,
И со слепотой
И с глухотой.

Разве не весенняя пора?
Разве птицы не поют с утра?

Разве не повеяло теплом,
Не гремит на речках ледолом?
Не настало время, чтоб любить?
Или трудно человеком быть?

Что же ваши властные черты
Не смягчаются от доброты?
Не проник к вам даже шум лесной...
Иль стариk вахтер всему виной?

Прописной бумажный мир души
Свежий ветер не разворошил:
Смотрят два совиные стекла
Из-за канцелярского стола.

Не смирюсь я с этой пустотой,
С вашей глухотой,
Непрямотой.
Хочется сердечной теплоты,
Красоты душевной,
Чистоты.

Не расстанусь со своей мечтой.

1959

ЮГ-РЕКА

Я услышал песенку с эстрады
Про свою родную Юг-реку
И недоуменья и досады
Отвести от сердца не могу.

Мол, не широка, не знаменита,
Ни в одну поэму не вошла,
Словно и доныне не открыта
И течет, как сотни лет текла.

Спели песню, не передохнули.
Следующий номер — циркачи...
А ведь жизнь мою перечеркнули —
Хоть из зала голосом кричи.

Никому я в счет обид неставил,
Все ж позвольте молвить земляку:
Что же я и делал, коль не славил
Светлую, как слезы, Юг-реку!

1958

Я давно на родине не был,
Много в сердце скопил тоски.
Вьются ласточки в синем небе —
Реактивные «ястребки».

Потеснило утром туманы —
И село открылось вдали.
Над Москвой возвышаются краны,
Здесь — колодезные журавли.

Гонят скот на лесные заимки
Босоногие пареньки.
Как речные трамваи в Химках,
Басовито мычат быки.

За домами, в конце порядка,
Ближе к берегу Юг-реки —
Молодежная танцплощадка,
А для школьников — Лужники.

На ветру многоцветные шали
То косынка, то сарафан,
Будто флаги на фестивале
Всех великих и малых стран.

Рад всему, что впервые вижу,
Парни наше село порой
В шутку сравнивают с Москвой:
Дескать, только дома пониже
Да, конечно, асфальт пожиже, —
Больше разницы никакой.

1958

СНЫ

Мы и во сне себя обманом тешим.
Сны повторяются:
Одни люблю,
Те, в коих я и молод и безгрешен,
Другие — ненавижу, не терплю.

Вот сон:
Шагаю вдоль села родного
Среди своих угрюмых земляков,
Творю добро:
Кому-то брошу слово —
И людям жить становится легко.

Или еще:
Над пожнями, над полем,
Раскинув руки, как орел, лечу,
Землей, и небом, и собой доволен,—
Под силу все, чего ни захочу.

А ныне злой меня измучил сон,
Болезненный, он тянетя часами.
Все неизменно в нем:
Она и он
И сам я
Со своими кулаками.

Она уходит от меня к нему,
К кому — не знаю, вижу, что уходит
Решительно,
При всем честном народе,—
Нет меры униженью моему.

Согнуть! Сломать!
Оправдан гнев любой.
Не до добра мне —
Душит оскорбленье,
Бессилье...

А приходит пробужденье —
Стыжусь себя:
Я был самим собой.

1958

Я встретил женщину.
Была она
Почти стара
И так измождена,
Что я смотрел — смущен и поражен:
Ведь я когда-то был в нее влюблен.

Усталая, она не шла — брела.
А уж какою сильною слыла,
Каким цветком росла среди полей,
Какие парни бегали за ней!

Мне стало жаль ее — любовь мою.
— Узнала ль? — спрашиваю.
— Признаю!
Как не признать? —
И, голову склоня,
Участливо взглянула на меня.

— Теперь уж что! Былого не вернешь.
А хоть сказал бы — каково живешь?
Был на войне-то?
— Был.
— Вишь... уцелел.
Но до чего ж ты, милый, постарел!

1958

РАЙОННАЯ КРАСАВИЦА

Деревня.
Зори вспние.
Живу среди болот.
И вдруг навстречу грешному
Походкою неспешною
Красавица идет.

Идет-плывет по улице,
Спускается с высот,
Сама собой любуется,
Сама себя несет.

Наверно, из районного
Никольска-городка.
У платьица фасонного
Рукав до локотка.

Идет, как землю щупает,
Обувочкой форсит,

И семечками хрупает,
И глазками косит.

И, затаив дыхание,
Все, сколько есть ребят,
За нею с расстояния
Испуганно следят.

Готовы в драку броситься,
Готовы — с места в пляс.
Уж так она им по сердцу,
По нраву —
В самый раз.

А мне, прошу прощения,
Давно знакомы все
И эти ухищрения
И эти украшения
При девичьей красе.

Меня как не касается
Ее надменный вид...

И, оробев, красавица
В глаза мои глядит.

1959

ПАМЯТЬ

А то еще — оторопею
И, как собрату своему,
Отъявленому лиходею,
Бывало, крепко руку жму.

Все чаще память изменяет,
Подводит.
Вот опять — пробел...
Но из нее не исчезает,
Что сам бы я забыть хотел,—

Такое, что душе не мило,
Чего нельзя себе простить,
Что, к сожалению, в жизни было,
Хоть не должно бы вовсе быть.

Нередко правдой поступался,
Не делал все, что сделать мог.
И обижал,
И обижался,
Помочь хотел, а не помог.

Дурным поступкам нет забвенья
Да и прощенья нет,
Когда
Их судить сам без снисхожденья, —
На свете горше нет суда.

1958

ПО СВЕЖЕМУ СНЕГУ

Гудит вологодский льнокомбинат,
Зовет на работу вагоноремонтный,
И галки — дымком по всему горизонту,
Как будто у них воздушный парад.

Хрустит под ногами сухой снежок.
Еще не светает, еще не пригрело,
Еще не восход,
Но от тысяч ног
На улицах словно бы потеплело.

И мне пора.
Одеваюсь, бегу,
Соседа бужу:
— Торопись, ровесник!
Счастливое утро —
Со всеми вместе
Ложится мой след на свежем снегу.

1958

ЗЕМНОЙ ПОКЛОН

Спасибо тебе, Блуднovo,
Деревня в лесной глухи:
Я начал писать здесь снова,
А это — хлеб для души.

Немало в стране хороших
Углов, — приезжай, гости! —
Куда и добраться проще
И меньше узлов везти;

Есть Талицы-речки всюду
И, если не озеро, — пруд,
Повсюду рыбешку удят
И уток, и зайцев бьют;

Конечно, и для здоровья
Места благодатней есть...
Но вырос-то я в Блуднове,
С землей породнился здесь.

Здесь хата моя не с краю.
Я с детства
Не как-нибудь
Тут каждую душу знаю
И чувствую —
В этом суть.

Зимою — по снежным завалам,
Весною — по грязи вброд
Кидает меня пешедралом
На север из года в год.

И пусть иногда сурово
Встречает родная изба, —
Я тутошний,
Из Блуднова,
И это моя судьба.

1958

Боюсь любви, а не любить — не жить,
Не вдохновляться и не волноваться.
Ужели так всю жизнь по-волччьи выть,
Звать к примирению,
А встреч бояться?

Тебя ли мне, недобрую, не знать!
Но ты иной встаешь в воображенье —
И не могу не тосковать, не ждать.
Хоть знаю, знаю:
Все равно опять
Не будет счастья...
Что за наважденье!

1959

МАРТ

Солнце марта в степь вошло,
Скрадывая расстоянья,
И от этого сиянья
Стало на сердце тепло.

В каждой льдинке огонек,
Будто всей лавиной звездной
Млечный Путь на землю лег.
Но денек еще морозный.

Наст такой, что грузовик
Вдруг свернул на холм пологий
И понесся без дороги
Снежным полем напрямик.

На холме стоит село,
Заметенное до окон.
До весны еще далеко —
Ни приметы, ни намека,
А уж на сердце тепло.

1957

Весна — куда ни кинешь взгляд.
В ночь вызвездило, приморозило,
А днем, как много раз подряд,—
Что ни поток, то водопад,
Любая лужа, будто озеро.

Хоть на день каждый ручеек
Сравняться с речкою пытается,
Уже и зелень пробивается...
Что нового?..
Да ничего! —
Все ежегодно повторяется.

И птичий свист среди лугов
Любого умиляет умника;
И синева без берегов;
И над рекою рев гудков...
Где ж откровенье?
Где изюмишка?

Чем вас порадовать, друзья?
Что описать вам? —
Все извечное...
Но я готов с утра до вечера
Сидеть у шумного ручья,
Хоть и смотреть как будто нечего.

1958

НА ПРОТАЛИНАХ

Все, что было, на землю
Нерадиво брошено,
Вточтано
И за зиму
Снегом запорошено,

Спилено, повалено
И забыто в стужу, —
Первые проталины
Вынесли наружу.

Вдоль всего селения
Вплоть до горизонта
Новые строения
Требуют ремонта.

Выкрашены наскоро,
От дождя бледнея,
Плачут стены краскою
Клеевой,
без клея.

С темных крыши полезло
Ржавое железо...
О вниманье к людям
Не по сводкам судим.

Черный снег как вымело.
Солнце
нам в угоду
Все огрехи вывело
На чистую воду.

Но зато все ладное
Жарче засверкало
И еще наряднее,
Ненаглядней стало.

1956

ГОСТЬ

В родное село из столицы
Наведался знатный земляк.
Народу в избе — не пробиться,
Слезу прошибает табак.

Вот жил паренек пухлогубый,
Как все,
На подножном корму,
А ныне — что шляпа, что шуба,
И все будто впору ему.

Стоит у печурки в сторонке
Совсем оробевшая мать,
Не знает — искать самогонки
Или самоварчик подать.

Метнувшись б к сынку, прослезиться
С открытой, как раньше, душой,
А вот не посметь,
Не решиться:
Начальник, поди-ко, большой!..

1958

ЗАМОРОЗОК

Едва раскрылись первые цветы,
Доверчиво оттаяла природа,
Как снова — вероломство, непогода,
И холодом дохнуло с высоты.

Поутру иней землю обволок,
Черешенка поникла и поблекла,
По мерзлым глыбам застучал ходок,
И в колеях ледок хрустит, как стекла.

Душа дрожит от боли и тоски,
Чуть глянешь на сады, на огороды,
Где, забивая молодые всходы,
Опять ползут и лезут сорняки.

А все ж весна выходит из запруд.
И пусть скворцы попрятались в скворечни —
Не задержать напора соков вешних,
Не онемеют птицы,
Не умрут.

1959

ДОБРЫЙ ПРАЗДНИК

Утром ранним весенним
Гости прибыли с юга,
И от птичьего пения
Оживилась округа.

Сразу столько влюбленных,
Столько свиста и звона,
Что лесок обнаженный
Стал казаться зеленым.

Под грозою умылся
И подался к селенью,
Будто к людям явился
Встретить праздник весенний.

В зеркала дождевые
На широкой полянке
Смотрят ветлы сквозные
И березки-белянки.

Хорошо ль приоделись,
Уложились ли в сроки? —
Еле корни прогрелись,
Еле тронулись соки...

Гул стоит над сосновым,
Над березовым миром.
Птицы двинулись к новым,
К необжитым квартирам.

Тоже формы надели:
Сколько вышивок разных,
Сколько фартучков белых,
Сколько галстуков красных!

На холмах, на увалах
И оркестры и хоры,
Есть свои запевалы
И свои дирижеры.

Им и ночью не спится,
Станут петь полной грудью...
Будьте счастливы, птицы!
С добрым праздником, люди!

1959

Промыли в окнах стекла
Студеною водой:
Весь мир казался блеклым,
Теперь он молодой.

Как будто бы промыли
Самим себе глаза.
Яснее проступили
Окрестные леса.

Не спутаешь с осиной
Березки нежный дым,
Речушка стала синей,
А небо — голубым.

Идет дорога прямо
По краю целины, —
Теперь на ней все ямы,
Все рытвины видны.

Видны людские лица,
Луга, поля вокруг,
И где растет пшеница,
А где сплошной овецуг.

И что всего дороже —
В домах моих друзей
Светлее стало тоже,
Промыты окна все.

1959

ПИСЬМО В «ЛЕСНУЮ ГАЗЕТУ»

Памяти Виталия Бианки

Мы безмерно богаты.
В наших чащах и рощах
Столько всяких пернатых —
Просто диву даешься.

Но спросите иного,
Что он знает о птицах,
Пусть ответит толково —
И, гляди, удивится:

Как же, фауна, дескать,
Как же, наше богатство, —
На полях, в перелесках,
Так сказать, птичье царство...

Птичье царство, и только?
Ну, дрозды,
Ну, синички...
Где запомнишь все клички,
Просто птички — и только!

Стоит в лес углубиться —
И уже как не дома:
Словно мы за границей —
Незнакомые лица,
Языки незнакомы.

Как слепые плутаем,
Будто глухи от роду.
И еще утверждаем,
Что мы любим природу.

А цветы разве знаем
На лугах?
Разве ценим?
Все травой называем,
А подкошены — сеном.

И с деревьями тоже:
Роща в общем и целом...
Ель от пихты не можем
Отличить, грешным делом.

То же с рыбой:
Веками
Счет ведем косяками,
Густера иль сорожка,
Все едино — рыбешка.

Лишь царям по рожденью,
Как во всем, предпочтенье:
Знаем розу-царицу,
Льва-царя
Да царь-птицу...

И конечно, тревожно,
Что порой мы безбожно
Не храним, что имеем,
Не щадим,
Не жалеем.

Ни за что не в ответе,
Словно самую малость
Нам на этой планете
Жить и править осталось.

Не хозяева вроде,
Так добро свое губим.
А гордимся природой
И отчество любим.

1960

ПОКАЗУХА

(Письмо из родной деревни)

Прочитали мы рассказ —
Все про нас да про нас,
До того наглядно,
Складно —
Прямо слезы из глаз.

Прочитали стихи —
И стихи
Неплохи.
Просмотрели кино —
И в кино
Все одно.

Как на выставке дома —
С росписью,
Точеные:
Не дома,
А терема,
Крыши золоченые.

Под конторой — особняк,
Ресторан —
Не чайная,
Не ларек —
Универмаг,
Все необычайное.

Заведенья скотные
Все подряд добротные,
Просто любо взглянуть:
Не какие-нибудь,
А высотные.

По загонам табуны —
Рысаки
Да скакуны:
Гладкотелы,
Быстрокрылые,
На бегах проверены.
Ни одной простой кобылы,
Мерини
Похорены.

А колхозники живут —
И не курят
И не пьют,

Не ревнуют,
Не скучают,
Только книжки читают,
Только песни поют.

Все сознательные,
И красивые,
Показательные,
И счастливые.

Что ни день — гуляния,
«Волжские страдания»,
Свадьбы да потехи.
И в соревновании
Что ни день — успехи.

Все коровы рекордистки,
Все девчата трактористки,
Все молодки депутатки,
Все в довольстве
И в достатке.
Образцовые порядки,
Как во всякой сказке-складке.

Вот какая жизнь у нас,
Прямо — слезы из глаз.

Тиши да гладь,
Достигли цели,
Все имеем, что хотели,
Больше не о чем тужить.

Нам бы в этакой артели
Хоть денек пожить!

1956

Не верю, что звери не говорят,
Что думать не могут певчие птицы,
Что только инстинкты у хитрой лисицы
И пчелы не знают, чего творят.

Попробуйте в роще уединиться,
Укрыться под хвойный густой наряд
Да вникнуть в жизнь, что шумит вокруг,
Предубежденность на время откинув,—
И в сердце не будет места гордыни,
Вас трепет и робость охватят вдруг

Достойно ль царя природы
делить
Всех в мире живущих
На высших и низших?
Порой и владыки разумом нищи,
Все относительно, может быть?

Высокомерие не к лицу
Ни великому,
Ни мудрецу.
В сосновом бору,
В березовой роще,
Где так многогранно желанье жить,
Мне, сильному, только добрей и проще
И человечней хочется быть.

Мы видим не все со своей горы,
Чудес неоткрытых еще немало.
Боюсь, чтоб кичливость не помешала
Нам постигать иные миры.

1959

Всполошились над лесом вороны,
Разгласили окрест:
«Всем! Всем!»
Мол, разлегся в бору зеленом
Человек — не поймешь зачем.

Взбудоражены криком тревожным,
Навещать стали звери меня.
Даже лис, на что осторожный,
Тоже выглянул из-за пня.

Невпопад, как из сказочной пущи,
На лосенка похож,
Со всех ног
Налетел на меня заблудший
Мокрогубый чей-то телок.

Любознательна до смешного,
Белка цокнула над головой:
Ну разлегся, и что ж такого?
Может, здесь и жизнь для него.

Впрямь — живу!
О вчерашнем, зряшном
Позабыл в родной стороне.
Значит, я не такой уж страшный,
Если звери идут ко мне.

А вороны?..
Да ну их к богу!
Я ж в своем, не в чужом бору.
Пусть кричат, поднимают тревогу —
Я от карканья не умру.

1958

В ЧУЖОМ КРАЮ

Я вскочил, как от сна дурного,
От зиобящего ветра с реки.
С кем, друзья, не бывало такого?
Сосны стонут,
А с неба ночного,
Как чужие, глядят огоньки.

На душе неуютно, тревожно,
Будто здесь обрывается свет:
И назад повернуть невозможно,
И вперед указателей нет.

Очертанья земли незнакомы...
Но внезапно, обрадовав слух,
То ли из лесу,
То ли из дома
Загорланил совсем по-родному,
По-российски,
По-свойски петух.

Так взревел отрешенно и зычно,
Что леса посветлели вокруг,
И уже совершенно привычным,
Чем-то очень приятным,
Брусничным,
Как из детства, повеяло вдруг.

Словно душу мою воскресили, —
Много ль надо ей добрых примет?
Лишь бы в срок петухи голосили —
И повсюду со мною Россия,
И нигде не кончается свет.

1959

ИСПОВЕДЬ

Я много писал про охоту,
Рассказывая больше того
Про зорьки в лесах, на болотах,
Про меткость ружья своего.

Но молодость на исходе,
И совесть велит:
«Не таи,
Держи ответ на народе
За все прегрешенья свои!»

Наверно, нельзя не стыдиться,
Но надо ж и правду любить:
За всю свою жизнь
ни лисицы,
Ни волка не смог я убить.

Хвалился,
А все же к победам
Касательства не имел.

И что говорить про медведя —
Косули не одолел.

Безвредный, трусливый зайчишка,
Бывало, свисает с плеча,
А сходит он в розовых книжках
За рысь да за сохача.

В охотничьем вдохновенье
Я братьев по шалашу
Вводил, так сказать, в заблужденье...
Но вот что заметить прошу:

Я сам себе верил при этом,
Впадая почти в забытье,
Как верят одни лишь поэты,
И в том оправданье мое.

1958

ЛЮБЛЮ ВСЕ ЖИВОЕ

Когда-то и я не убить не мог,
Что б ни летело над головой:
Садился за весла — ружье у ног,
Шел в чашу — заране взводил курок,
На жатву брал дробовик с собой.

Стрелял и коршуна и воробья,
Не разбираясь — друзья? враги?
А ныне
На ток хожу без ружья,
Катаюсь на озере без остроги.

Доверие птиц умею ценить:
Бывает легко на душе, когда
Случайно удастся жизнь сохранить
Птенцу, упавшему из гнезда.

Себя самого узнать не могу.
Осинки в лесу зазря не срублю,

В корнях родничок, что клад, берегу,
На муравейник не наступлю, —
Люблю все живое,
Живых люблю.

1959

И я обманывал,
И мне, бывало,
Достоинство мужское изменяло,
Себя обкрадывал утеша ради
И часто с совестью своей не ладил.

Быть может, те, которых я обидел,
Теперь ни в ком святой любви не видят.
Легко ли для обманутого сердца
Решиться вновь доверчиво согреться?

Что бесконечно каяться?
Ведь снова
Жизнь не начать, не изменить былого,
Не замолить вины своей...
Я ныне
Пекусь уже не о себе — о сыне.

Пусть он грехов отца не повторяет,
Большой любви ни в чем не изменяет,
Ни в чьих глазах не будет лжив и мелок
И с совестью не заключает сделок.

1958

ЧУДО-САБЛЯ

Подарил я родному сыну
Чудо-саблю:
— Носи, пострел! —
С полчаса он ее вертел,
А потом сломал и откинул,
Словно палку простую откинул,
Не заплакал,
Не пожалел.

Мне бы в детстве саблю такую,
Чтоб по росту и по руке,
В золоченых ножнах,
Кривую,
С красной кисточкой на шнурке!

Неожиданную обнову,
Как награду, бы я берег,
С ней носился бы по Блуднову,
Под собою не чуя ног.

И учил бы, пусть неумело,
Босоногих своих друзей,
Как стоять за правое дело,
Вызывать из беды людей.

Не давал бы своих в обиду.
А друзья у крыльца гурьбой
Утром ждали бы:
Скоро ль выйду
И когда поведу их в бой.

Может, вся бы жизнь по-иному
У меня с той поры пошла
И любовь моя к отчему дому
Не такой бы грустной была...

Нет, не сабли сломанной жалко.
Я встревожен, что мой сынок
Ничего, кроме крашеной палки,
В этом чуде увидеть не смог.

1958

ЧУДЕСА

Мир чудесами удивляем
И сами,
глядя в небеса,
Как будто слов других не знаем,
Почти с испугом повторяем
Одно и то же:
— Чудеса!

Но на какое-то мгновенье
До каждого доходит вдруг,
Как откровенье,
Как прозренье,
Что это ж наших рук творенье,
Все это дело наших рук.

И каждый — что бы он ни значил,
Где б ни работал, ни служил,—
В решенье сказочной задачи
Свои, пусть скромные, удачи,
Свое терпение вложил.

Не будет сказано обидных,
Неверных слов на этот раз,
История сказать не даст:
Нет для нее простых, невидных,
Нет маленьких людей средь нас.

1959

ОБСЕРВАТОРИЯ УЛУГБЕКА

Немало небоскребов Улугбека
Осталось от пятнадцатого века.
В путеводитель внесены не все
Мечети, мавзолеи, медресе.
Но даже те, что на виду стоят,
Не в будущее — в прошлое глядят;
Их создавали золотые руки
Во славу Магомета — не науки.

И лишь обсерватория одна
В грядущие века устремлена.
Сей храм упрятать в глубине земли
Все мракобесы мира не смогли.
В дуге секстанта что-то есть от взлета
К неведомым космическим высотам,
Как будто здесь
До нас за сотни лет
Был агрегат для запуска ракет.

1960

НАХОДКА

Бухта Нахodka.
Зеленый туман.
Берег местами дикий.
Бухта...
И все-таки океан,
И даже Великий.

Перед рассветом прилив у ног.
Дня зарожденье мудро:
Первый проблеск,
Первый намек,
Но это уже утро.

Город возник из планов и смет, —
Как он волнующе молод! —
Десять каких-то неполных лет,
Но это уже город.

Краны, как вышки и корабли.
В скалах слои косые...
Мы — на краю,
У начала земли,
Но это уже Россия!

1959

РУССКИЙ ЯЗЫК

Я люблю свой родной язык!
Он понятен для всех,
Он певуч,
Он, как русский народ, многолик,
Как держава наша, могуч.

Хочешь — песни, гимны пиши,
Хочешь — выскажи боль души.
Будто хлеб ржаной, он пахуч,
Будто плоть земная, живуч.

Для больших и для малых стран
Он на дружбу,
На братство дан.
Он — язык луны и планет,
Наших спутников и ракет.

На совете
За круглым столом
Разговаривайте на нем:
Недвусмысленный и прямой.
Он подобен правде самой.

1959

РОДНИЧОК

Грохот моря слышен издалека,
Блеск его пугает и слепит.
У воды ни отдыха, ни срока, —
Берега гранитные дробят.

А родник осоки не колышет,
Затенен,
И надо замереть,
Чтоб его среди корней услышать,
Наклониться — чтобы разглядеть.

Но вода и в нем стоять не любит,
День и ночь без устали поет.
Кто отыщет — припадет, пригубит,
А припав — не отрываясь пьет.

И опять придет, как на свиданье,
И заглянет в холодок, на дно...
Только это чистое звучанье
Разобрать не каждому дано.

МАТЬ

Нашумела, накричала,
Настигала чем попало:
— Все постыло! Сил не стало!
Нет от вас житья!..—
Села в угол, зарыдала
И просить прощенья стала.
Просто очень ты устала,
Бедная моя!

Не волнуйся, успокойся,
Вот тебе вода —
Умойся,
Отдохни,
За нас не бойся,
Подрастет семья.
Ну, прибила... Что ж такого?
Не со зла ведь,
Не чужого.
И зачем же слезы снова,
Добрая моя!

1958

О НАСУЩНОМ

Что за нелепое утвержденье!
Я отвергаю с негодованьем,
Будто весна — лишь время цветенья,
Будто бы осень — пора увяданья.

Свежему хлебу дивлюсь, как чуду,
Не уставая, дивиться буду —
Нет ничего красивее в мире
Этой поющей, бескрайней ширы.

В теплом, хрустящем хлебном прибое
Тонет и тает горе любое.
Осень такая, что душу греет.
Верится — люди станут добре.

Станут мои земляки сердечней,
Нет, не беспечней,
Но человечней,
Непримиры к любым недугам,
Будут горой стоять друг за друга.

Радуйся новой своей победе,
Не забывайте, друзья, соседей!
Если беда с кем-нибудь случилась,
Не обходите, сделайте милость!

Хлынет зерно дождем изобильным —
Пусть станет каждый щедрей от счастья:
Робкий — смелым,
А слабый — сильным.
Пусть не кичится начальник властью,

Помнит, что он лишь слуга народа,
Не по анкетам о людях судит...
И богатеть будем год от года,
Каждая осень праздником будет.

1956

Ты такое прощала,
Так умела любить,
Так легко забывала,
Что другим не забыть;

На такие лишенья
С отрешенностью шла,
С чисто русским терпеньем
Крест свой бабий несла;

Так душой понимала
Боль его и беду,
Что, конечно, бывала
И в раю и в аду.

А ни вздохов, ни жалоб —
Было б счастье в дому.
Даже смерть оправдала б
И простила б ему.

Только лжи не стерпела,
Лжи одной не снесла,
Оправдатъ не сумела
И понять не смогла.

1959

К сиротской доле относясь с участем,
Меня добру учила вся родня,
Дед за неправду взыскивал
с пристрастием,

Крапивой жег —
Обидней нет огня.

Бывало, мать прибьет
И в одночасье
Сама ревет, судьбу свою кляня:
— Живи по чести,
С совестью в согласье!..—
Она хотела, чтобы сын был счастлив...

А ты? Чего ты хочешь от меня?
За что, родимая, казнишь меня?

1959

Да, отзывчивая, да, сердечная!—
Не боюсь, что слова ходячие.
Доброта ее бесконечная
Ставит на ноги искалеченного,
Превращает слепого в зрячего.

Да, горой встает за обиженных,
Добивается невозможного;
Из какой-то заморской хижины
Вздох дойдет —
Уж она встревожена.

Бескорыстие ее широкое
Всеми встречными прославляется;
Выручает чужого далекого...

И не видит, что тут же, около,
Свой родной человек терзается,

По ночам себя травит махоркою,
От душевных мук не отважется...

Может, ей простодушно кажется:
Никакое, мол, горе-горькое
Рядом с нею жить не отважится?..

1958

Странно,
Ты стала какой-то стыдливой,
Словно бояться меня начала:
Разве теперь уже некрасива?
В юности разве иной была?

Ты для меня навсегда желанна,
Так же люблю, как в былые года,
И непрестанно,
И неустанно.
Что же от глаз моих прячешься?
Странно...
Ты для меня и теперь молода.

1959

ХОЧУ ВЕСНУ!

Весна возникает не сразу, не вдруг,
Как звук, нарастаая издалека —
Из недр снеговых,
Из неясных мук;
Весна начинается с влажных выног,
С прибавки неслыханной молока,

С тоскливого ржания рысаков,
С надрывного крика вороных стай;
Еще не выходит из берегов,
Но рвется,
Но бьет волной через край.

И сколько к смиренью себя ни зови,
Как воздержаньем сердца ни мучь —
Весна поднимает пену в крови,
Теплом пробивается из-за туч.

На ранней заре
Среди бледных звезд
Глухарь, заикаясь, точит тайгу —
Опущены крылья,
Развернут хвост,—
И я, как на праздник, к нему бегу.

Луна в отраженье речных глубин,
Как рыба мечет икру в синеву,
И я,
В синяках от гремящих льдин,
За ней по широким плесам плыву.

Все ухищренья ума не впрок,
Опять не до выдержки,
Не до сна,
Оттаяло сердце,
Пришел мой срок.
— Сдавайся, сдавайся! — кричит весна.

Сдаюсь! —
Мне еще не тысяча лет.
Сдаюсь! —

Восхищено руки тягу
Туда, где цветенье,
Туда, где свет,
К весне моей, к счастью.
Хочу весну!

1958—1959

Только живи, ничего не надо,
Связей земных до срока не рви,
Не оставляй семью без пригляды;
Скоро подсохнут дорожки сада,—
Только живи!

Солнце красно и зимою вьюжной,
Что за беда — холодок в крови,
Юности вечной мне и не нужно;
Не тяготись своим видом недужным,
Просто — живи!

Нет, не зазря растрата сила,
Все отдала ты заботам любви,
Все, что имела,—
Себя не щадила.
Будь же и впредь послушной и милой,
Великодушной —
Живи!

1959

УТРОМ НЕ УМИРАЮТ

Даже представить трудно,
Как я смогу опять
С вечера беспробудно,
Без сновидений спать.

Страшно, что сил не хватит
Выдержать до утра.
Сядьте на край кровати,
Дайте руку, сестра!

Все, кто болели, знают
Тяжесть ночных минут...

Утром не умирают,
Утром живут, живут.

Утро раздвигает стены,
Окна откроет в сад,
Пчелы из первой смены
В комнату залетят.

Птицы разбудят пеньем
Всю глубину двора,
Чей-нибудь день рождения
Будут справлять с утра.

Только бы до рассвета
Выдюжить как-нибудь...
Утренняя газета
В новый поманит путь.

Да позвонят из дома,
Справятся:
«Как дела?»
Да навестит знакомый...
Только бы ночь прошла!

Тени в углах растают,
Тяжесть с души спадет.
Утром не умирают —
Солнце начнет обход!

1954—1955

Ленинские дни

С ГОДАМИ...

Стали мы внимательней и строже
Жизнь сверять с безмерностью мечты.
Все ясней с годами, все дороже
Ленинского облика черты.

Из всего, что ныне вспоминаем,
Возникает, как родник, чиста,
Не парадная, не напускная,
Человеческая простота.

На миру, с народом повседневно,
Он и спорить и щутить любил,
Был с людьми не просто задушевным —
Сердцем до любого доходил.

Мог неслышно появиться в зале,
Где-то в крайнем посидеть ряду.
Ходоки его одолевали —
Всяк свою выкладывал беду.

Ненавидя ханжество отроду,
Презирай болтовню и спесь,
Он делил с народом хлеб и воду
И хвалился только тем, что есть...

1956

У КАБИНЕТА ИЛЬЧА

Давно история случилась эта,
А все не меркнет в памяти людской...
У двери ленинского кабинета
Стоял солдат с винтовкой,
часовой.

Стоял с утра, неслышный, неприметный,
Навытяжку,
Прижав ружье к плечу.
Ильич работал.
Коридором светлым
Несли радиограммы и пакеты;
Знакомые солдату по портретам
Товарищи входили к Ильичу.

Плохие с фронта поступали вести.
Шли ходоки,
И Ленин их встречал
И провожал.

И все на том же месте
Солдат с ружьем навытяжку стоял.

И вот Ильич, бойца того заметив,
Тугую дверь попридержал ногой,
Взял стул в своем рабочем кабинете
И попросил:
— Садитесь, дорогой!

Казалось, что особого случилось?
Ну, вынес стул,
Ну, попросил присесть...
Ведь не сказался ж в этом Ленин весь?!
А ничего в народе не забылось.

1956

В ЕГО ГОРОДЕ

В этом городе вырос Ленин;
В доме, тесом обшитом, жил,
В первый раз через эти сени
В неустроенный мир ступил.

Все далекое воскрешая,
Голубой отражая свод,
Всем родная и дорогая,
Волга-матушка здесь течет.

Деревянные спуски узки,
Палисадники широки...
Все по-волжски
И все по-русски
До последней резной доски.

В доме этом учился Ленин,—
Против окон зеленый сад,—
Износившиеся ступени
След его башмаков хранят.

Здесь, наверно, гулял он с другом,
Стопку книжек стянув ремнем.
Каждый камень и каждый угол
Рассказать могли бы о нем...

1943

ЗИМНИЙ ФОТОСНИМОК

Снег побелил ушанку,
Снег на воротнике,
Словно бы спозаранку
Был Ильич на катке.

И хохотал, и бегал,
Перегоняя всех.
Брови, что хлопья снега,
И на бородке снег.

Вот он встряхнул одежду,
Переступив порог,
Только с волос, как прежде,
Сдунуть снежок не смог.

Так и остались снежинки
На бороде, на усах,
Да на губах смешинки,
Да огоньки в глазах.

1960

ПУГОВКА

В доме окраинном, при свече,
У самоварной трубы,
Вздыхая,
Бабушка ласковая, седая
Детям рассказывает об Ильиче,
Всякую мелочь припомнная.

— Видела, милые вы мои,
Видела!
Руку ему пожала.
Тут вот, к примеру, Ильич стоит,
Рядышком — этак вот — я стояла.

Он обещал приехать к семи,
Ждать на заводе с полудня стали.
Мне поручили:
«Пальто прими!..»
Нашего люду полнехонько в зале.

Ленин в озябшие руки подул,
Мокрою кепкой хлестнул по колену,

Скинул пальто и повесил на стул.
Я подхватила — и марш за сцену.

Полы раскинула на столе:
Вычищу, мол, пока выступает...
Чищу и вижу:
На левой поле
Средней пуговицы не хватает.

Думаю: вождь, а пуговки нет!..
Я от жакетки своей откусила
И толстой ниткой — на много лет —
На Ильичево пальто пришила.

Свою пришила. От всех тайком.
А пуговки были разного сорта:
Моя — не гладкая, с ободком,
И потемнее — меньшее потерта.

За полночь все распрошались с ним.
Пуговки Ленин моей не заметил.
А мне приятно:
Даже родным
Не говорю о своем секрете.

Много ли, мало ли дней прошло,
Топаю раз за Неву на рынок
И замечаю:

Во все стекло
С облика Ленина новый снимок.

В длинном, приметном своем пальто...
Я пригляделась:
Скажи на милость!
Вижу: потертое... самое то...
Черное...
Сердце мое забилось,

Остановилась, сама не своя,
В стекла дышу, припала к витрине:
Пуговка — самая та, моя,
С левого боку посередине...

Дали такой же снимок и мне.
Рамочку я резину достала,
Дома повесила на стене,
И до того хорошо мне стало!

Гляну тихонько на Ильича —
Он улыбается: что, мол, хитрить-то!..
Вижу, вся тайна моя открыта:
Значит, заметил, только смолчал...
А пуговка-то моя пришита!

1939

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ

На Красную — у стен кремлевских —
площадь

Попозже приходите:
В ночь на ней
Стихает все,
Лишь ветер флаг полощет,
И ход часов истории слышней.

А лучше на рассвете:
Запах хвон
Острей к утру, дневного гула нет.
Вы — в центре мира:
Грянет башня боем —
И символом становится рассвет.

Широкие гранитные ступени.
Густые ели.
Самый ранний час...

Здесь через площадь,
Кепку скинув,
Ленин
Походкой легкой проходил не раз...

Я получил сегодня партбилет.
И вновь иду на площадь к Мавзолею.
Стою, гляжу,
Как облака алеют,
Как над Москвою ширится рассвет.

Торжественной присягой коммуниста
Из сердца вырывается обет.
Я говорю:
— Как совесть, будет чистым
Мой большевистский,
Ленинский билет.

Я в этом клятву Родине даю
На жизнь,
На смерть,
На вечность —
как в бою!

1949

ГЛАЗАМИ ЛЕНИНА

Пусть мир, что мы творим,
Далек от завершения,
Но мы глазами Ленина
В грядущее глядим.

Мы клятвенно твердим
Обеты поколения,
Что жить хотим
по Ленину,
Иначе не хотим!

Не верим ни чужим,
Ни нашенским лжегениям
И ссылками на Ленина
Прикрыться не дадим.

Благословен удел
С таким работать рвением,
Как он всю жизнь умел,
К себе без послабления,

Как он,
Всю жизнь прожить,
Ни дня без вдохновения,
Отечеству служить
И до самозабвения
Людей,
народ любить!

Во всем возможном
быть
Похожими
На Ленина!

1964

НАПУТСТВИЕ СЫНУ

Сегодня праздник у тебя с утра,
И дома — всем понятное волненье.
Вот и тебе начать пришла пора
Свое второе летосчисленье.

Не на готовое идешь, мой сын:
Иные дни — иные и заботы.
Всем честным людям хватит до седин
И радостей, и горя, и работы.

И кто в каком ни возмужал году,
Мы, получая партбилеты, знали,
Что нам покой не писан на роду,—
Ни льгот, ни выгод никаких не ждали.

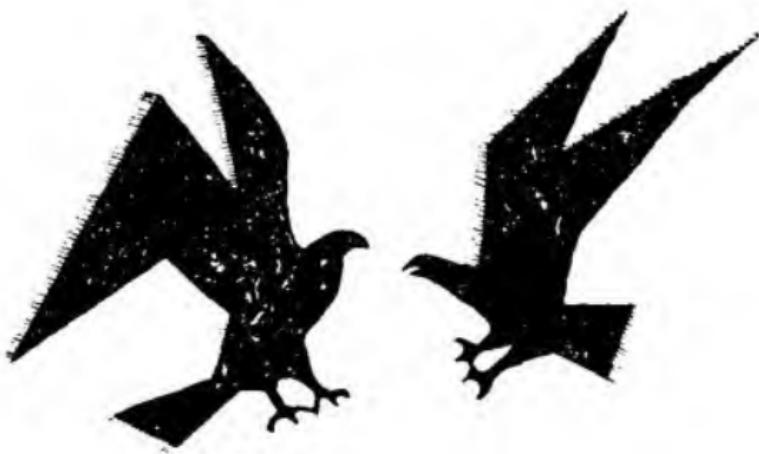
Да, нам всегда была близка мечта,
И не корысть кидала нас в сраженье.
В нас жили смелость, самоотреченье
И ленинского сердца чистота.

А повстречашь, сын мой, на пути
Стяжателей, каких и мы встречали,
Знай — это просто накипь на металле.
Окалина,
Ее должны смести.

Для коммуниста легкой жизни нет.
Готовься не к парадам, а к походам
И так считай: от самого народа
Ты получаешь этот партбилет.

1956

Из разных книг

Назови меня именем светлым,
Чистым именем назови —
Донесется, как песня, с ветром,
До окопов голос любви.

Я сквозь грохот тебя услышу,
Сновиденья за явь приму.
Хлынь дождем на шумную крышу,
Ночью ставни открой в дому.

Пуля свалит в степи багровой —
Хоть на миг сдержи суховей,
Помяни меня добрым словом,
Стынуть буду — теплом повей.

Появись, отведи туманы,
Опустись ко мне на траву,
Подыши на свежие раны —
Я почувствую,
Оживу.

1943

Нынче наши нелады
И не вспоминаются,
Пред лицом большой беды
Мелочи стираются.

Стали мы вдвойне любить
Каждый холмик Родины,
Паутины тонкой нить
На кустах смородины,

На болотах кожуру
Ягоды несобранной,
Щучью стрелку на юру,
Воздух, смолью сдобренный.

В блиндаже, в чужой избе
Иль под хвойным пологом
Вспоминаю о тебе:
Все в тебе мне дорого.

Все любимые черты,
Странности и слабости,
Вся нетронутая ты
Мне мила до радости.

1942

Листья осенние шелестят,
Листья хрустят под ногами,
По небу стылому птицы летят
Клиными,
Косяками.

Движутся, будто вокруг земли —
Где он конец потоку? —
К югу от холода — журавли,
Люди от немцев — к востоку.

Вскрики людеские птичьих грустней,
Слезы не высыхают.
Птицы вернутся домой по весне,
Люди — когда? — не знают.

Нет, никогда забыть не смогу
Ветер сырой, осенний,
Крик журавлей
И на берегу
Осиротевшие семьи.

В МОРСКОМ МУЗЕЕ

И вот картина:
По откосу,
Где снизу — волны, сверху — сад,
Идут нарядные матросы
В атаку, словно на парад.

Конечно, небо голубое,
Конечно, в небе реет флаг
И, не приняв морского боя,
Бросая все, сдается враг.

Ночная тень на вражьих касках,
Над бескозырками — восход.
Все ж разбирался автор в красках...

Но злость,
Но гнев меня берет.

Трудом опасным и тяжелым
Война была для нас для всех,

И даже самым развеселым
Не каждый час давался смех.

А душу жгло такое пламя,
Что если б взгляд матроса мог
Упасть на холст в цветастой раме —
Насквозь бы он его прожег.

1954

НЕ РАЗУЧИЛСЯ ЛЬ ХОДИТЬ ЗА ПЛУГОМ?..

Скоро ли буду в родном лесу,
Ягод наемся,
Увижу косого,
В старый слопец изловлю лису,
Туес ершей принесу из ночного?

Скоро ли буду в родном дому —
Издали встретят четыре березы, —
Скоро ли мать и сестру обниму
И обмахну их горькие слезы?

Всех увидать,
Обо всем расспросить,
Полем пройти, поздороваться с лугом!..
Не разучился ль траву косить?
Не разучился ль ходить за плугом?..

1944

НЕ УМРУ

Когда я раненный лежал в пыли,
Страдая от удушливого жара,
Не отличая неба от земли,
Артиллерийских залпов от кошмара,

И ни стонать, ни говорить не мог,—
Тогда прямой, с пушистой желтизною,
Откуда ни возьмись, степной цветок
Виденьем детства встал передо мною.

Что я припомнил в этот миг?
Леса,
Деревни, в палисадниках рябину,
Под солнцем поле спелого овса
И матери натруженную спину...

Что я услышал?
Дробный стук колес,
Крик петуха на просмоленной крыше,

Шум светлых сосен и жужжанье ос,
Раздольный звон бубенчиков услышал...

Ах, родина, лесная сторона!
Как все стократ для сердца стало мило —
Брусника в чащах,
Рек голубизна,—
Война все чувства наши обострила.

Просторны тесом крытые дворы,
В холмистом поле широки загоны.
Как многолюдны свадьбы и пирсы,
Как сарафаны девичьи пестры,
Каким достоинством полны поклоны!

Моторы в сизых ельниках стучат,
Плывет над лесом рокот молотилок,
И запахи бензина не глушат
Смолистого дыхания опилок.

А сколько зверя, сколько птиц в бору...
И потому, что все перед глазами,
Не дрогну я в сражениях с врагами,
Земли родной не выдам:
Не умру!

1943

ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Может быть, доведется снова
Разлучиться нам на года.
Я хочу, чтобы это слово
Ты запомнила навсегда.

Понимаю, решиться можешь
И сама на любой поход,
Но ведь нет ничего дороже
Материнских твоих забот.

От родного угла далеко,
Как случалось порой и нам,
Брать и легкой жизни уроки
Приведется моим сынам.

Раздели с ними корку хлеба
И последний глоток воды,
Научи их под стылым небом
Не страшиться любой беды,

Не сгибаться и не ломаться,
Честью смолоду дорожить,
Правдой нашей не поступаться
И родную землю любить.

За детей и за все в ответе,
Укрепим мы свои сердца.
Только б выросли наши дети —
И не будет жизни конца.

1951—1954

Тянет в простор полей
С каждой весной упорней.
Все-таки на селе
Все мои корни.

Там, средь лесных берлог,
Я возмужал и вырос,
Первый страх превозмог,
Первое горе вынес;

К трактору привыкал,
Свыкся с порой страдною;
Там в первый раз припал
К речке с живой водою.

Все на земле родной
Мне лишь на пользу было:
Грудь не спирало в зной,
В стужу не леденило.

Что там ни говори,
Мне не заменит город
Ясной, в хлебах, зари,
Ягодного косогора.

Снова издалека
Манят и лес и поле.
Пусть на моих руках
Будут гореть мозоли.

Пусть в самый зной работ
На поле хоть однажды
Губы опять сведет
От нестерпимой жажды.

Хочется самому
Тяжесть весны изведать
Там, где в пыли, в дыму
Делается победа,

Где и моя целина
Вспашки ждет и расцвета...
Так принимай, весна,
Пахаря и поэта!

1954

БЕРЕЗОВЫЕ КОЛКИ

Быть может, бор здесь был когда-то,
Теперь лишь рощи там и тут —
Для косачей, для куропаток,
Для всякой живности приют.

Как на кругу в сырой ложбинке
Иль на припеке близ реки,
Стоят березки и осинки
Среди хлебов, как островки.

Зовут колками эти рощи,
Околочками.
Почему?
Но слов понятнее и проще
Здесь и не нужно никому.

Хочу, чтоб все в степях Алтая,
Особенное с давних пор, —
Сердца людские, речь живая,
И запахи, и цвет озер,

Песни, полные значенья,—
Все стало так же для меня
Не требующим разъясненья,
Родным с сегодняшнего дня.

1954

ТВОЯ РОДИНА

Все испытала, все превозмогла —
Года тяжелых рукопашных схваток,
И выстрелы врагов из-за угла,
И длиные хвосты у продпалаток.

«Великая!» — мы говорим о ней,
Даем присягу в верности сыновней
И воспеваем с пристальной любовью
Березки, речки, ширь ее полей.

А все ли помним
И всегда ль

о том,
Что родина была, и есть, и будет
Не только реки, горы, отчий дом,
Не просто небо и земля,
А — люди?

Все те, что рядом, под боком у нас,
И — далеко,
чужие нам по крови,

И все они нуждаются подчас
В тепле, в участье,
В братском добром слове.

С любым ты мог служить в одном полку,
Делиться на походе сигаретой,
В далекой стороне, как земляку,
Поверить душу...
Как забыть об этом?

И если ныне он, товарищ твой,
Твой соотечественник — пусть
не близкий,
Безвестный пусть,—
в беде, в нужде какой,
Спеши ему помочь, он не чужой,
Не отмахнись служебною запиской.

Спеши на выручку, других зови,—
Пусть не найдется душ глухих
и жестких!

Без этого к чему слова любви
О родине,
О речках,
О березках?!

1956

УЧЕТЧИЦА НА ЛЬДУ

Кажется, что трескаются горы,
До того погода холодна.
Из кабин не выходя, шоферы
Сыплют камень в прорубь.
А она
Реечкой ведет промерку дна.

И один кричит ей:
— Героиня,
Подними повыше воротник
Да смахни с лица колючий иней! —
Героиней окрестил шутник.

Никуда не деться от поземки,
Ветер все живое леденит,
Наступают хмурые потемки —
Девушка с тетрадкою стоит.

Валенки, платок и полуушубок,
Даже брови снег запорошил,

Пальцы пишут, но застыли губы:
Думать можно,
Говорить нет сил.

Трудно шоферам на гидрострое —
Вдруг осядет под машиной лед!
Вот они действительно герои,
Дружный и выносливый народ.

Знатные — со стажем и уменьем.
А она пришла почти ни с чем...
С удивленьем,
С гордостью,
С почтеньем
Девушка относится ко всем.

Журналист подъехал на машине
И, на льду увидев самосвал,
Посидел с водителем в кабине,
Что-то в свой блокнотик записал.

Отгородим перемычкой воду,
Да умолкнут взрывы на горах,
И расскажет он всему народу
О подрывниках, о мастерах...

Холодно.
Невмоготу моторам.
А на льду мороз вдвойне остер.
Реже стали прибывать шоферы,
Разложили плотники костер,

Все геологи пошли погреться...
Ну, а ей-то можно иль нельзя?..

Завистью не тронутое сердце,
Ясные и чистые глаза!..

1951

ПОЛЯ БАТРАКОВА

Поля Батракова полюбила
И была со всеми так мила,
Что, казалось, если бы могла,
Всех своим бы счастьем наделила,
Всю бы землю сразу обняла.

Возвратившись с промысла в избушку,
Прочищает лесовик ружье,
А гидролог разберет вертушку,
Смажет снаряжение свое,

Полевые дневники разложит,
Цифровые обведет ряды,
Пересмотрит, сверит, подытожит
За день бухгалтерию воды.

Перетерла Поля все вертушки,
В печку дров с морозу принесла,

Вскиптила чайник
И по кружке,
Как вина, подружкам налила.

Две газеты велух перечитала,
Петь уговорила...
Что еще?
Что еще придумать, чтобы стало
Всем, как ей сегодня, хорошо?

Кажется: зима пошла на лето,
И у всех, живущих в Марквашах,
День и ночь,
С рассвета до рассвета
Соловьи должны греметь в ушах.

Кажется, на Волгу только выйдешь —
И сверкнет плотина под луной;
Новые созвездия увидишь,
Новый город-порт над крутизной...

А начальник партии сидит
И не видит, верно, и не знает,
Что уже и море подступает,
Бьет волной в береговой гранит.

Поля села рядом, замирая:
— Петр Петрович, что я вам скажу...
По секрету, Петр Петрович...
— Знаю!
— Петр Петрович, замуж выхожу.

— Знаю все. Недалеко до свадьбы?
— Да, теперь уже недалеко.
Только маме телеграмму дать бы.
А решиться как-то нелегко.

Напишите папе с мамой,
Что вы Юру знаете,
Очень уважаете
И что против этой свадьбы
Вы не возражаете.
Ведь не возражаете?

Мы теперь от всей души
И на веки-вечные
Полюбили Марквапи,
Стужи, ветры встречные,

Дали бесконечные,
Воды быстротечные
Да беседы у печурки
Светлые, сердечные...

Над горою Лысою восход,
В избах начинается побудка,
И гидрологическая будка
На санях опять идет на лед.

И хотя у Поли выходной,
Начала со всеми собираться:
Просто ни минуты ни одной
Не могла без дела оставаться.

Видит все как будто в первый раз —
Берег, небо, вышки, краны, трубы...
Все счастливо радовало глаз.
Задубели пальцы, стыли губы,
Вот прихватит щеки...

А она
Только больше пела да шутила.
Нет, поземка ей в лицо не била,
И мороза не было — весна!..

Поля Батракова полюбила.

1951

В ГОСТЯХ У СЫНА

Что ни месяц — деньги от сынка:
Сотнями со стройки переводит,
И старик гордится на народе.
Все же навестить бы паренька,

Посмотреть бы, как дела идут.
Голове не долго закружиться:
Не успел мальчишка опериться,
ФЗО — еще не институт...

И как только новый перевод
Поступил от сына,
Он — в дорогу.
Ночь не спал, перемогал тревогу:
Вдруг сынок неправильно живет?..

— Вы к кому? — спросили в проходной.
— К Сомову.
— Вы кто ему?
— Родитель.

— У него сегодня выходной.
В общежитье, в клубе поищите.

Дали адрес и проводника.
Зря, наверно, старый волновался!
Наконец, он разыскал сынка.
— Здравствуй, Ваня,
Вот к тебе собрался...

Видный стал парнишка —
В пиджаке,
В вышитой украинской рубашке,
Часики «Победа» на руке,
Авторучка на груди в кармашке.

Прежней меркой лучше и не мерь,
Смотрит прямо,
С виду стал постарше...
— Так в каких же ты чинах теперь? —
Сын ответил:
— Я электросварщик.

Хорошо, что выходной денек —
Можно только гостем заниматься!
Посудите, разве Ваня мог
Перед батькой не покрасоваться!

Пропуск на строительство достал,
Лучше не придумаешь подарка!—
И давай водить по всем местам,
Где в три смены шла электросварка.

Подобрал зажим и электрод,
Будто грифель школьный рисовальный,
Показал отцу, как швы кладет —
Потолочный и горизонтальный.

Мимо шла гурьбою молодежь,
Словно с заседанья иль с ученья.
К Ване все относятся с почтеньем:
— Здравствуй, Сомов!
— Сомов, как живешь?

Только мастер Ваню пожурил:
— Что-то я тебя не понимаю,
Почему костюма не сменил?
Сын ответил:
— Я же отдыхаю.

«Отдыхает!..
Пот уже с лица —
Швы кладет, меняет электроды.

Вот что значит трудовой породы!
Нет, такой не подведет отца...»

Гость об этом, правда, умолчал,
Но когда вернулись на ночевку,
В первый раз, преодолев неловкость,
Он сынка по отчеству назвал.

— Мать сказать просила:
Хорошо,
Что родителей не забываешь,
Письма пишешь, деньги посылаешь.
Будет лишек —
посылай еще...

1951

ОРЕЛ

Из-за утеса, как из-за угла,
Почти в упор ударили в орла.

А он спокойно свой покинул камень,
Не оглянувшись даже на стрелка,
И, как всегда,
Широкими кругами,
Не торопясь, ушел за облака.

Быть может, дробь совсем мелка была —
Для перепелок, а не для орла?
Иль задрожала у стрелка рука
И покачнулся ствол дробовика?

Нет, ни дробинки не скользнуло мимо,
А сердце и орлиное ранимо...
Орел упал,
Но средь далеких скал,
Чтоб враг не видел,
Не торжествовал.

ПЕСОЧНЫЕ ЧАСЫ

Лежал песок, и солнце пекло
Рыхлое, желтое темя.
Щепотку одну запаяли в стекло,
И вот:
Земля измеряет время.

Завод у часов на минуты — не дни,
Но время под нашим началом:
Стечет песок — часы поверни,
И станет конец
Началом.

И кажется мне, что и я таков:
Вечером еле сидишь на стуле,
Свалившись, будто мертвый, без слов,
Утром поднимешься — жив-здоров,
Словно перевернули.

Может, и смерть такая придет:
Друзья наготовят тесу,
А смерть тебя, как часы, повернет —
И снова несутся за годом год,
И нету тебе износу.

1939

И что из того, что уходят года
И не было в жизни спокойного дня,
Что стали страшить дожди, холода!
Как солнечный свет, как живая вода,
Твоя любовь для меня.

А горе бывало так велико —
Размолвки, обиды давили грудь...
Но как это все теперь далеко!
Да разве живая вода легко
Давалась кому-нибудь?!

1946

Пожелай — и останусь навеки
Чабаном на твоем берегу,
Полюблю эти шумные реки,
Эти синие горы в снегу.

Согласись — и в лесные просторы,
В глухаринные дебри умчу.
Где-нибудь на Двине, на Печоре
Сам избу для тебя сколочу.

Раем будет мне ельник дремучий...
Хочешь, место сама выбирай,
Но решись, не молчи, не мучай,
Хоть чего-нибудь пожелай.

1945

ЛИСИЦА

Черно-серебряная лисица
Из приуральских степей,
Мне неспокойно спится —
Думаю о тебе.

Строгая твоя поступь,
Черные твои глаза...
Что я скажу тебе?
Просто:
Мне без тебя нельзя.

Хвастался раньше охотно,
Сжав пятерню на груди,
Я ли, мол, не охотник,
Лучше не подходи!

И — не знаком со страхом,
И — семерых побиваюм;
Выстрелам несть числа...

Встретил тебя —
И прахом
Выправка вся пошла.

Сразу угрюм, неловок
Стал краснобай-зверолов:
Не до хвальбы зверолову,
Не до красивых слов.

В темную ночь не спится,
Думаю о тебе:
Ходишь, моя лисица,
Не по моей тропе.

1940

Что-то есть в тебе очень хорошее.
На цветной сарафан гляжу —
Словно в юности по некошеным,
По заречным лугам хожу.

Очень свежие, очень милые
Губ приподнятые уголки.
Вологодскою веет силою
От большой, без колец, руки.

Золотинки в глазах с новолокою
Да густая хвойная бровь.
В задушевном неспешном оканье
Воркование тетеревов.

Под окошком проходишь — рослая...
По душе мне такая стать.
Поглядеть на тебя, светлокосая,—
Как на родине побывать.

1945—1946

Пусть не пишешь, запираешь двери,
Принимаешь к сердцу чью-то ложь,
Все равно мы встретимся, я верю:
Волны, склонив, вновь идут на берег,
Первую любовь не изживешь.

С детства, с парты школьной мне знакома,
Радостью взлелеяна одной,
Не оставишь, не уйдешь к другому:
Где бы ты ни ездила —
Ты дома,
С кем бы ни ходила —
Ты со мной.

1935

ПОЗДНЕЙ ОСЕНЬЮ

Всю ночь под окном провода гудят,
Шумно вздыхает ель
И каплет с крыши, тоску наводя,
Чертова канитель.

Водой набухая, киснет земля,
Как тесто в квашне, шипит.
Раздвинулись вширь пустые поля,
Кругом не стерня — шипы.

Полдень, а будто не рассвело.
Будет ли он, рассвет?
В небе серо,
На земле голо.
Тени намека нет.

Выйдешь — озnob проберет до пят.
Каплет...
И так везде.

Не оттого ли зубы болят
Осенью у людей?

Не потому ли столько друзей,
Робких еще ребят,
Женятся осенью в дни дождей:
Капли гранит долбят.

Знать, от судьбы не уйти и мне:
Смыты водой мосты,
Только и света в твоем окне,
Радостей — только ты.

1938

Если б ты в реку упала,
Я бы достал до дна,
Мне и морского вала
Сутемень не страшна.

Если б в тайгу, в берлогу
Зверь тебя уволок,
Я бы нашел дорогу
Даже из ста дорог.

К девятирогому змею
Я бы просек пути,
Даже из рук Кащея
Смог бы тебя спасти...

В реку ты не упала —
Тут ни при чем вода:
В сердце ты мне запала,
Мне — не тебе беда.

И глубоки ли реки!
Сердце не им под стать:
С этого дна вовеки
Мне тебя не достать.

1945

Шла я нынче зaimкой,
На снега глядела:
Сколько за ночь заныка
Вывертов наделал.

У плетня у каждого,
С умслом ли, нет ли,
Елочки обхаживал,
Затягивал петли.

А местами пустится
Через пни и кочки:
От куста до кустика
По четыре точки.

С милым я измучилась,
Слушала весь вечер:
До чего ж закручены
У милого речи!

Хоть и непонятные,
Но уж так красивы...
Слушала да пятилась
Свету не гасила.

Я споровку дикую,
Заячью-то знаю,
Знаю, когда прыгают,
А когда петляют.

1936

Ночка лунная светла,
Тишина в конце села.
Материнские запреты
Девушка с души сняла.

Но слепа у нас луна,
Не заметила она:
Света лунного бледнее,
Девушка была бледна.

То дрожала, как в ненастье.
То смеялась без ума,
А от страха иль от счастья —
Не сказала б и сама.

1944

ПО РУКАМ ПОШЛА КРАСАВИЦА

По рукам пошла красавица.
Плачет мать порой ночной:
Не охота худославиться
Из-за дочери родной.

Третий раз была бедовая
Честь по чести отдана
И опять живет не вдовая
И не мужняя жена.

На войну ссылаться нечего,
Что осталась без семьи,—
Не сама ли искалечила
Годы лучшие свои?

По селу идет красавица —
Будто вязнут каблуки.
За спиною ухмыляются
Озорные пареньки.

Бабы судят речью строгою,
Старики усы едят,
Дома пристально, с тревогою
Дочерям в глаза глядят.

Молча девушки сторонятся,
Ей руки не подают,
И молодки не поклоняются —
Не считают за свою.

По селу идет красавица
Ни жива и ни мертвa,
Низко-низко опускается
Золотая голова.

1944—1947

ЗАРЕЧНАЯ КРАСАВИЦА

Шел к подружке парень вечерком
За реку
По лаве перекошенной,
Сапоги скрипучие на нем,
Поясок малиновый, неношеный.

Шел и думал:
Встретит, прибежит,
Изловлю веселую за лапушки...
А река возьми да покажи
Камушки ему со дна и ракушки.

Засмотрелся, словно не видал,
Грохнулся со всей своей обновою.
Хохотнула хитрая вода
И накрыла голову бедовую.

Девушка милобва заждалась,
Стала думать всякую напраслину,

Причесалась, в ленты убралась,
Нарядилась в кофточку атласную,

А не видно милого дружка.
За водой пошла,
Глядит: под лавою
На воде-реке от пояска
Кисточки малиновые плавают.

Вскрикнула и ринулася в дол,
На берег тропой, росой вечернею,
Подоткнула ситцевый подол
И давай реку ведром вычерпывать.

Разливает воду по лугам,
А сама клянет реку, горюшица:
— Чтобы этим желтым берегам
На тебя, коварная, обрушиться!

Стой, как лужа старая, мутна,
Тухлой рыбой в заводях запруженна.
Чтоб тебе, неладная, ни дна,
Ни покрышки
За разлуку суженным.

Как тебе не жить без ключевой
Без воды,
Не шириться, не вырасти,
Так и мне, сиротке, без него,
Без любимого,
И дня не вынести...

Вычерпала девушка реку
Иль река не стала худославиться,
Но погибнуть милому дружку
Не дала заречная красавица.

Пронесла его через овраг,
Уложила на траву
Под кленами...

Если б жены нас любили так.
Нас водою не разлить бы с женами.

1939—1940

ЗВЕРОЛОВ

Рыжий парнище сел на пенек,
Семечки жареные шелушит.
Сосны шумят промеж двух дорог.
Складный да ладный такой паренек:
Руки —
Медведя за горло душить

И корчевать на нови пеньки,
Ноги — по мерке сапог не найти...
Как опаленные мотыльки,
С туб на траву шелуха летит.

Он неподвижен,
А перед ним,
Косы развеяны по ветерку,
Девушка — белое с золотым —
Белкой сидит на низком сукуне.

— Ах, — говорит, — до чего ж он мил!
(И зверолов глаза опустил.)

С вами не страшно,
За вашей спиной
Я бы смеялась над сатаной.

Вы сатану согнете в дугу.
Ну, поведите ж меня в тайгу,
В выломки, в глушь, под хвойный навес,
Это же вотчина ваша — лес.

Рыжий чуть слышно гудит:
— Ага! —

Роет песок носком сапога,
Перестает шелушить меледу
И отвечает:
— Не поведу!

Но продолжается разговор.
— Слышала, вы по родне — помор.
Вам сызмалетства своя — волна,
Кровь ваша, как волна, солона.

В море, когда зашумит прибой,
В море возьмите меня с собой,
Не подведу вас, не осрамлюсь!.. —
Парень, потупясь, мычит:
— Боюсь!

Девушка смотрит ему в глаза
И удивляется: вот бирюк!..
Мимо, треща, летит стрекоза,
Дикие пчелы звенят вокруг.

Как этот увалень ей смешон:
Жмется, краснеет средь бела дня.
— Что вам бояться?
Такой большой!
Ну, поведите в горы меня.

Там, говорят, и медведи есть,
Ходят к подножью малину есть.
Горные склоны в густом хмелию...
Может быть, там я вас полюблю...

У зверолова дрожит рука.
Смотрит на девушку:
Как легка!
В пуговках вся, в стеклянном огне...
И не сидится ему на пне.

Если теперь пареньку запеть —
Склонится бор, засвистят стрижи;
В чащу пойти —
Никакой медведь
Лучше и глаз ему не кажи.

Так у него вся душа горит,
Словно кто шепчет ему:
— Не трусь!..

Долго на девушку он глядит
И говорит ей:
— Тебя боюсь!

1940

РЕЧКА И ТРОПКА

Течет речка лугами,
Течет речка лесами,
Над ее берегами
Ивняк нависает.

На песок, к переправам,
Опускаются птицы,
Чтоб побегать, поплавать
И водицы напиться.

Вьется речка, струится.
Мох вокруг да морошка.
Вместе с речкой змеится,
Вьется стежка-дорожка.

Все изгибы, изломы
За водой повторяет,
То темна, словно омут,
То под солнцем сияет.

Речка в реку вольется,
Тропка станет дорогой —
И пылит и несется
За водою широкой.

Море реку приветит,
Разнесет по раздолью,
Синим светом осветит,
Просолит своей солью.

А дорога вокруг моря
Ляжет с кручи на кручу.
Даже в этом просторе
Их ничто не разлучит.

Полюблю — тропкой стану,
Буду мчаться дорогой
За рекою широкой,
За тобой — к океану.

1944

ВСЕ РАССКАЖИ

Все расскажи ей, хоть и страшно,
Когда признаешься в любви,
Об увлечениях вчерашних,—
Припомнни все и назови.

О неприглядном, о случайном
Сказать не сможешь — напиши,
Чтоб недомолвками и тайной
Не бередить ее души.

Увидит, слезы осушая,
Чем жизнь твоя озарена,
Что настоящая, большая
Любовь, как подвиг,— вот она!

И как живой воды пригубит,
Иль словно крылья отрастут.
А если примет, значит, любит,
В твою поверит чистоту.

1946

СУДЬБА

А мы с тобой всегда вдвоем —
И в Вологде,
И на Алтае,
В лесах, в степях;
Где ни бываем —
Одними чувствами живем.

Верны своим родным местам,
Но кажется порой обоим,
Что будто и родились там,
Где познакомились с тобою.

Ведь даже ливень — не гроза
Без молнии, без озаренья,
Так мне нужны твои глаза
Для каждого стихотворенья.

От самых первых встреч нигде
Не существуем друг без друга,
Мой добрый друг,

Моя подруга
Не только в счастье — и в беде.

Не это ли и есть судьба?
Ей благодарен вечно буду.
Ведь даже если нет тебя,
Мы вместе все равно навсюду.

1954

ИЗВЕЧНОЕ

Да, я не знаю другой такой,
Чтобы навеки — по сердцу.
Так почему же в душевный покой
Входит разноголосица?

Так почему же по целым дням
Наш разговор не вяжется,
Все что-нибудь мерещится нам,
Все что-нибудь да кажется?

«С кем говорил?»
Да «К кому ходил?» —
Это ж обидно, милая!
Если бы вдруг человек остыл,
Разве удержишь силою!

Радость не в радость, коль веры нет,
Страхи да подозрения.
И канитель эта много лет
Тянется без изменения.

Надо, чтоб на сердце был покой,
Чтоб никогда постылая
Ревность не трогала нас с тобой...

А почему ты сама домой
Поздно вернулась, милая?

1952

Опять я целый день негодовал,
С дельцами, не с поэтами встречаясь.
Опять в газете не пошел подвал —
С казенным слогом все не уживаюсь.
Опять пришлось с людскою маятой
Столкнуться в министерских коридорах,
В глазах рябил сухой бумажный ворох
И не мирилась совесть с немотой.
А все, что сразу высказать не смог,
Чем вся душа была до боли сжата,
Принес к своей любимой на порог.
А чем она, родная, виновата?
Еще в передней грянула гроза, —
Попробуй сладить с этим раздраженьем! —
И добрые, печальные глаза
Глядели на меня с недоуменьем.
Как будто бы в густом лесу я сам
Тугую ветку оттянул упруго,
И вот она хлестнула по глазам
Ии в чем не провинившегося друга.

В ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Не слушайте, когда вам говорят,
Мол, что ни год, становитесь моложе:
Ни часа жизни не вернуть назад,
Листок оторван — день навеки прожит.

Пускай друзья с подарками идут,
Пускай цветы подносят в день рождения,
Но пусть они в честь праздника не лгут:
Сочувствие честнее поздравленья.

Почаще наливайте им вина,
Пусть пьют до дна, поют свою «Рябину»
И впрямь не видят, что уж седина
Посеребрила вас наполовину.

Нам ни к чему их дружеская ложь,
Не слабого десятка юбиляры:
Стареем понемногу,
Ну и что ж?
Лишь годы проходили бы не даром!

ЗАЙЧОНОК

Бродил охотник по тайге с утра,
Промок, продрог,
Валила с ног усталость,
А так и есть — ни пуха ни пера
На пояссе его не оказалось.

Уже смеркалось, и во все углы
Вползал туман — промозглый, неуютный,
Как вдруг на тропку, прямо под стволы,
К ногам шмыгнул зайчонок шалопутный.

Сначала показалось — повезло.
Охотник выстрелил почти не глядя,
Сорвав на нем, на маленьком, все зло,
От неудач скопившееся за день.

Но смолкло эхо, пыл его остыл,
И сердце стиснула до боли жалость.
Конечно бы, зайчонок жил и жил,
Когда б не раздраженье, не усталость.

Ведь не за ним звала его тайга,
Не для него сухим хранился порох.
Зачем он, слабый, сунулся к ногам
В такую незадачливую пору?

Охотник помнит, хоть прошли года,
Глаза раскосые, подшерсток белый
И тот недобрый, стыдный день, когда
Его душой жестокость овладела.

1956

ТОЛЬКО НА РОДИНЕ

Да, только здесь, на Севере моем,
Такие дали и такие зори,
Дрейфующие льдины в Белом море,
Игра сполохов на небе ночном.

Нехожеными кажутся леса,
Бездонными — озерные затоны,
Неслыханными — птичий голоса,
Невиданными — каменные склоны.

Здесь, словно в сказке, каждая тропа
Вас к роднику выводит непременно.
Здесь каждая деревня так люба,
Как будто в ней красоты всей Вселенной.

И уж конечно, нет нигде людей
Такой души, и прямоты, и силы,
И девушек таких вот, строгих, милых,
Как здесь в лесах,
На родине моей.

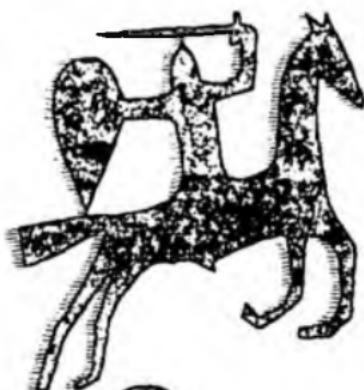
Но если б вырос я в другом краю,
То все неповторимое,
Как чудо,
Переместилось, верно бы, отсюда
В тот край, другой —
На родину мою.

1955

Посвящается Бобришному угору

Босиком по земле

ЧИСТЫЙ БОР

Чистый бор — он мелколесьем был,
Не годился даже для охоты,
А какую гриву распустил —
В поднебесье хвоя, будто соты.

Дом отцовский — как он был высок,
А теперь смотрю:
Изба — избою!
Как в блиндаж ступаю за порог,
Стукаясь о верхник головою.

Кто из нас тянул тяжельше воз,
Кто больней скрипит от непогоды:
Отчий дом с годами в землю врос
Или вырос я за эти годы?

ЗАПАСАЕМСЯ СВЕТОМ

Федору Абрамову

В край добра и чудес
С прежним рвусь интересом.
Я из тех самых меет,
Где семь верст до небес
И все лесом
Да лесом;

Где в затонах озер
Лебединые крепи,
Тундры снежный простор —
Вроде южные степи;

Где ветров ералаш
Да суметы по пояс
И, как пригород наш,
За Архангельском —
Полюс.

У полярных широт
Быт порою неласков,

Не всегда мед течет
По усам
Даже в сказках.

Грех на море пенять —
Рыбы вдоволь,
А все же
Золотую поймать
Не случалось,
Не можем.

Не всегда на обед
Апельсины
И дыни.
Неразменных монет
Тоже нет и в помине.

Рукавицы в мороз
Прикипают к ладоням.
С храпом тянут свой воз
И олени
И кони.

Слава наша хрупка,
Вечны только мерзлоты...

Но моим землякам
Любы эти широты.

Ночи долги невмочь,
Но зато мы уж летом
На всю зимнюю ночь
Зapasаемся светом.

1963—1964

О МОЕЙ СВЯТЫНЕ

Больше не могу!
Надо бежать
В северную тайгу,
В зеленую благодать —
Просто чтобы дышать.

Встану чуть свет,
Выйду на холодок,
А тут ничего нет:
Ни нор,
Ни берлог,
Ни родничка у ног.
Хоть бы какой след.

Но стоит замереть,
Слышу:
шуршит листва,

Слышу:
сопит медведь,
Взлетают тетерева.

Убран урожай,
В воздухе инея звон.
Слышу собачий лай —
С трех,
с четырех сторон,—
Начался гон.

Вся душа дрожит,
Больше не могу:
Вот он, косой, бежит,
Вон лиса на лугу...

Никак не пойму,
Что меня держит здесь:
Нужен кому?
Дело какое есть?

Может, в родном краю
Давно иная жизнь:

И птицы не так поют
И звери перевелись,

И люди не те,
И поля,
И красота не та...
Но это моя земля,
Моя мечта и мечта,
Мои святые места!

1961

МЫ УЖЕ БОЯЛИСЬ

Зря ты не приехал в эту осень —
Родина ведь, что ни говори,
Пишем, пишем,
Просим, просим...
Может, прячут в стол секретари?

А уж столько было красных ягод!
Не соврем —
Лопатами гребли.
Наварили бы варенья на год
И другой бы снеди запасли.

Наросло грибов на удивленье:
Вот не сей
И землю не паши,
А одно — ищи, соли, суши...
Как у вас там нынче со снабженьем,
Не скудаешься ли? —
Сообщи.

Не послать ли мелких, из отбора,
Рыжиков,
Чтоб вспомнил о родне?

Упустил ты золотую нору.
Белых тоже набирали горы —
Даже на лугах, на косогорах...
Мы уже боялись:
Вдруг к войне?

1962

НА БОБРИШНОМ УГОРЕ

Завихряется стружка,
Пахнет ягодным бором.
Вырастает избушка
Над Бобришным угorem.

В получасе шаганья
От деревни Блуднова
Жизнь моя, как сказанье,
Начинается снова.

Нет, не в пустынь,
Не в пристань,
Лежебокам на зависть —
В Чистый бор, как на приступ,
Рядовым отправляюсь.

Только дым закурчавит
Край небес над ущельем,
И поэзия справит
Здесь свое новоселье.

Есть мечта:
В удаленье
От сумятицы буден
Обрести птичье зренье,
Недоступное людям.

Буду схож с змееедом:
Так отверзнутся уши,
Что душе станет ведом
Говор трав и лягушек...

Заходите, соседи
Из окрестных селений,
Не окажется снеди —
Угощу сочиненьем.

На Бобришном угоре
Воздух свеж, будто в море,
Родниковые зори,
И ни с кем я не в ссоре.

Ни запоров не надо,
Ни замков,
Ни ограды.
Добрым людям избушка
Круглый год будет рада.

А объявится рядом
Кто с недобрым ноглядом —
К тем она повернется
Не передом,
Задом.

1962

ОБНОВА

Вот и крыша готова,
Постланы пол, потолок.
Вырос в бору сосновом
Среди лесных дорог
Терем-теремок —
Охотничий домок.

Вставлены косяки,
Рамы остеклены,
Со стороны реки
Углы осмолены.

У теремка — крыльцо,
Вместо скобы — кольцо,
Желоб для водостока,
Даже конек налиço.

Все — чему сердце радо,
Все — для ума и души,

Детство и юность — рядом,
Рябчики
И воляши.
Большего в жизни не надо —
Только сиди
Пиши.

Летчик нанес на карту
Новый ориентир...
Весь этот хвойный мир
Мне к юбилейному марту.

Некуда больше рваться,
Не о чем тосковать,
С матерью буду встречаться,
С пеньем птиц просыпаться,
Жить, как учila мать...

1963

В БОРУ СЛУЧИЛОСЬ НЕВОЗМОЖНОЕ

В Блуднёве появилось радио —
Поет,
Играет,
Митингует.
И до чего всех это радует,
И как волнует!

В бору случилось невозможное:
Отбросив хвою,
став столбами,
Сто сосен придорожных ожило
Под проводами.

И сквозь извечные, привычные
Лесные звуки
вдруг под вечер
Пробились голоса скрипичные
И речи, речи.

Отныне стала небогатая
Изба,
где столько лет я прожил,
Душе моей навек засватанной
Еще дороже.

И снова верится и чудится,
Что жизнь идет не стороною:
Когда-нибудь, наверно, сбудется
Все осталльное.

1962

И СТАЛИ МЫ ПИТЬ ЧАЕК...

Н. М. Воропину

Ночую у председателя
осиновского колхоза.
В избе курятник с леггорнами,
двухмесячный поросенок,
а на столе клеенчатом
в горшке молоко топленое,
да свежее мясо,
да яйца,
да самовар под парами
для облегченья беседы.

— Жена! — говорит председатель. —
Я в дом привел человека,
нам надо поразговаривать,
он будет у нас ночевать.
Закуска твоя законная
и самовар под парами,
добавь только клюквы да рыжиков;
а молоко топленое —
оно не от той коровы.

Жене многоопытной
с полуслова

понятна мысль председателя,
давно ее дом приветливый —
что постоянный двор:
упрятав горшок в суденку,
она достает из подполья
теплую, как из-за пазухи,
гладкую,
зеленоватую,
бешеную бутылку.

А я молоко жалею:
я выпил бы с удовольствием
стакан и другой горячего
с коричневой жирной пенкой,
свежего,
не порошкового,
с душистым ржаным пирогом,
и шировеги отведал бы,
и рыжиков бы попробовал,
и клюквы бы надавил.

— Гостей молоком не потчуют,
Вы — гость! — говорит хозяин,—
И дружбы мужской не замешивают
На ягодах и молоке.

Садись к столу, Николаевна,
да угощай по обычай:
в горячий чаек для крепости
залей по стопке горючего
да сахару не жалей!

Надежда Николаевна
с десяток яиц намыла,
на вышитом рукотернике
спустила их в самовар,
густой навела заварки,
сладкой
и запашистой,
липучей,
с ликером схожей,
разбавила, чем положено,—
и стали мы пить чаек.

Пьем зелье
и разговариваем
о пропащих культурах,
о том, как вести хозяйство
в согласье со схемой и модой,
не подрывая колхоза,
как выстоять председателю
меж двух,
даже трех огней...

Беседа наша спорится
и без молочных блюд.

И мне уже это нравится:
тепло
и светло на душе.
Затих под шестком поросенок,
петух заорал в курятнике —
уже далеко за полночь.
— Пусть Надя нам снова нальет!
Потом я встаю и ощупью
иду к продавцу на квартиру
еще за двумя бутылками...

Скисает
в горшке
молоко.

1962

ТОИЯТСЯ ПЕЧИ

Задолго до света
ясно и жарко —
Я это вижу с улицы темной —
В домах полыхают печи-пекарки,
Каждая, словно домна.

Стоят за челом чугуны картошки,
Горшки с молоком и щами.
Хвосты задирая, крутятся кошки
У хозяек под ногами.

Затем на столах, покрытых kleенкой,
Появляются груды пищи:
Хлеб в решетах,
Соль в солонках
И черные чугунищи.

Большак просматривает газету
И, оторвав от угла дорожку,

Заранее скручивает сигарету,
По-старому —
козью ножку.

Дети с ложками — стайкой к посуде:
Еда с паркём,
духовита.

Доброе утро, добрые люди,
Приятного аппетита!

Покушав
и крошки смахнув в ладошку,
Большак закуривает в охоту.
Уже бригадир стучит под окошком —
Пора на работу!

1962

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

Солнце спокойное, будто луна,
С утра без всякой короны,
Смотрит сквозь облака,
Как из окна,
На рощу,
На луг зеленый.

От берега к берегу
Ходит река,
Я слышу ее журчание.
В ней те же луна, луга, облака,
Это же мироздание.

Птицы взвиваются из-под ног,
Зайцы срываются со всех ног.
А я никого не трогаю:
Лугами, лесами, как добрый бог,
Иду своею дорогою.

И ягоды ем,
И траву щиплю,
К ручью становлюсь на колени я.
Я воду люблю,
Я землю люблю,
Как после выздоровления.

Бреду бережком,
Не с ружьем, с бадожком,
Душа и глаза — настежь.

Бродить по сырой земле босиком —
Это большое счастье!

1962

ПЕРВЫЙ ПТЕНЕЦ

Все за ночь раскисло,
Снега поползли,
И небо провисло
До самой земли.

Расселось,
Размокло...
Полны колеи.
По крышам, по стеклам,
По сучьям — ручьи.

Разбухло,
Разлезлось...
Где нечет,
Где чет.
И всякая мерзость
В овраги течет.

И только все глубже,
Все чище вдали

Небесные лужи
По краю земли.

Да в чаще,
Да в роще
У старых запруд
Все слаше,
Все хлеще
Птицы поют.

Все гуще,
Все пуще...
И вот наконец
Проклюнулся в пуще
Первый птенец.

1965

ВСЯ ЖИЗНЬ НА ВИДУ

Весна по всем статьям хороша!
В лесу и в саду
Вся жизнь на виду,
Все краски в цвету,
Все соки в ходу,
Весной любая живая душа
Ликует и свищет в свою дуду.

В рыбачьей избушке,
В птичьем гнезде,
В просвете шатра,
В проеме окна —
Дыхание неба, голубизна.
Весна — это люди на борозде,
Ракеты на старте —
Тоже весна.

Ее порожденье —
Цветы на лугах,
Надежда в глазах,

Кумачи на домах,
Ее продолженье —
Сено в стогах,
Плоды на возах,
Хлеба в закромах.

Все силы,
 что скрыты были в зерне,
Бродить начинают
В квашне,
В вине.
И тем она людям мила вдвойне —
Что нет ни конца, ни края весне.

1960

СИВЕРКО

Дует сиверко.

Вечереет.

Скот под окнами месит грязь.

Овцы зябко и нудно блеют,

Будто жалуются, жалеют,

Что погода не задалась,

Осень рано подобралась.

И коровы мычат натужно,

А могли бы и помолчать:

Стали в стойло и жуйте дружно —

Всех подбят,

О чем мычать?

И рогами стучать не нужно.

Или короток день осенний —

Не набили травой боков?

Им бы в ясли охапку сена!

С визгом лезут собаки в сени,

Может, чуют близость волков?

Тьма сочится из облаков.

А еще беспокойней свиньи.
Петухи кричат невпопад...

Надо воду слить из машины:
Ночью, верно, выпадет иней —
Подозрительно красен закат.

1964

ЛЕСНЫЕ ДУГИ

О эти дуги над дорогой
В краю синиц,
В краю клестов,
В краю снегов!
Их очень много,
Как над Москвой-рекой мостов.

Нет, не медведи дуги гнули,
Не леший,
Не лесовики.
Мороз стоял на карауле,
Лес обряжая в башлыки.

И ветер дул,
И по неделе,
Ворвавшись в строй молодняка,
Свистя, матерые метели
С землей месили облака.

И как под тяжестью Вселенной,
От напряжения белы,
То постепенно,
То мгновенно
Сгибались тонкие стволы.

Когда ж стихали шум и вьюга —
Лес был неистово красив,
Все дива севера и юга
В себе одном соединив.

Казалось, под давлением снега
Свисали ветви сосен вниз.
Вершины елей, как ракеты
Под небом праздничным, рвались.

И всюду дуги, дуги, дуги —
Снегами стянуты концы:
Чуть тронь —
И вскинутся упруго,
И запоют колокольцы.

И всюду ходы, переходы,
Валы и рвы зимы самой...

И я —

Сам бог и царь природы —
Вхожу под эти чудо-своды
Почти испуганный,
Немой.

1962

НА ЗАЯЧИХ ТРОПКАХ

Зайца троплю,
Стужу терплю,
В снежных полях
Силу топлю.

Он — от меня,
Как от огня.
Перехитрить
Хватит ли дня?

Хоть бы залег
В ров или в лог!
Хоть бы мне бог,
Что ли, помог!

Зайца троплю,
Бога молю:
— Дай застрелю!
Дай застрелю!

По и хвоста
Увидеть не смог:
Бог не помог,
Черт не помог.

Скидки, ходы
Туды и сюды:
Только следы,
Только следы.

Не доберу!
Не оцеплю!..

В снежном бору
Время гублю.

1962

ЖИЛИ-БЫЛИ...

Сказка лучше были,
Хоть порой и проще.
Как-то жили-были
Зайцы в нашей роще.

Жили любо-мило,
Хорошо им было:
Сухо, многолесно,
Тихо
И не тесно.

Добрые соседи
Не чурались заек,
Всем хватало снеди,
Солнца и лужаек.

По ночам питались,
За день отсыпались.
Думать о грядущем
Даже не пытались.

Как в своей усадьбе
Жили, не тужили,
Иправляли свадьбы,
И зайчат плодили.

В пику пересудам
Не были трусливы...
И твердили всюду,
Что они счастливы.

Только навалилась
На косых немилость:
Рыжая лисица
В роще поселилась.

Рыжая лиса...
Тут и сказка вся.

1958—1961

СКАЗКА ПРО МЕДВЕДЯ

К тракту почтовому, как на площадь,
Вышел медведь из чащи, из рощи.
Вышел и замер от удивленья:
Кончился лес,
А вверху — гуденье.
Глянул медведь на столб, как на ствол,
И облизнулся:
Набрел на пчел!

Лето в разгаре, цветут поляны,
Запахи всюду пряны,
Медвяны,
И у медведя одна забота:
К сотам добраться б —
Медку охота!

Как говорится, вору все впору:
Кинулся зверь на электроопору
И, провода задев ненароком,
Грохнулся наземь, ужален током.

Небо — с овчинку,
По телу жженье,
А над башкой все то же гуденье,
То же роенье,
Хоть пчел не видно.
Что за проклятое наважденье.
Он же медведь.
Медведю обидно.

Взвыл
И давай по земле кататься,
Лапами бить,
От мух отбиваться.
Не до колоды уже,
Не до меду —
Только бы ходу
В тайгу либо в воду.
Бился, катался,
К столбу прижимался...

А над медведем весь лес смеялся.
Вот каким горьким мед оказался.

1961—1964

ТЕТЕРЕВ

Тороват, неотразим, лукав,
Словно первый парень на селе,
Он бродил среди цветов и трав,
От своих удач навеселе.
Красовался,
Ягоды клевал
И тетеркам голос подавал.

Ни одной пред ним не устоять:
Всё под силу,
Всё ему под стать,
Молодому — в стае равных нет,
На одном на нем стоит весь свет.

Хвост расправил,
Зоб раздул,
Взлетел,
Оглядел окрестный березняк

И к тетерке на сучок подсел —
Расфранченный,
Дураком дурак.

Сел он против моего ствола.
А тетерка чучелом была.

1959

РЯБЧИКИ В СНЕГУ

Рябчики в снегу
В сухом,
Пушистом.
Полем чистым,
Берегом лесистым
На лыжах бегу.

Ход замедляю,
Ружье снимаю:
Сейчас застрелю
Иль живого поймаю.

Бьюсь,
Гнусь,
Крадусь,
Вышагиваю,
А наткнусь —
Взdragиваю.

Снег взрываются —
Рябчик взвивается
И сразу за ель,
За березу скрывается.
Просто издевается!

Ведь ничего
Нет недоступного:
Хотя б одного!
Хотя бы некрупного!

Комочек пушистый...
А небо морозное,
Закат огнистый —
Время позднее.

Уже усталость
К ногам привязалась.
К дому тянет...

Рябчики в снегу
Совсем как в сметане,
А взять не могу.

1962

ПОСЛЕ СНЕГОПАДА

Снег, словно пыль с полочек,
С хвойных ветвей сбиваю.
Сколько я сосенок, елочек
За день освобождаю!

Как это славно, здорово:
Лес поднимает вершины —
Вскидывает головы
И разгибает спины.

Снежная пыль, как дыхание,
И заполняется воздух
Радужным сиянием,
Будто бы летом, в грозы.

В радуге, что в фейерверке,
И снегири,
И белки:
Сыплется, посверкивая,
В снег шелуха поделки.

Радужен даже валежник —
Вихрей нагромождения,
Речек крутобережных
Глинистые обнажения.

В радуге все, как новое:
Скрыты следы порубок,
Ярки стволы сосновые,
Будто кирпичные трубы...

Лыжи скрипят кленовые.
Стынут щеки и губы.

С палкой бреду бамбуковой —
С пикой былинный витязь,
По деревцам постукиваю:
— Выпрямитесь!
— Разогнитесь!

1962

ПЕСНЯ БЕЗ СЛОВ

Пусть ни грибов, ни ягод в лесу —
Он все равно хороши.
Каждое утро что-то несу
В дом из окрестных рощ:

Чаги кружок,
Черенок для пожа,
Корень,
Охапку дров,
Шишку, похожую на ежа,
Песню
пока без слов...

Пусть тишина,
В глухи ни души —
Все равно гул в ушах:
В шорохи трав и в шумы вершин
Вслушиваюсь не дыша.

Неба не видно,
Но там и тут
До колдовского дна
То озерцо полыхнет, то пруд —
Та же голубизна.

И ничего, что птичий отлет,
Что опадает листва —
Песню нашел,
 и она живет.
Сыщутся и слова.

1962

ПРО БЕРЕЗКУ

Я ее видал и не парадной,
Не царевной гордой на кругу,
А нескладной,
Даже неприглядной,
Утонувшей по уши в снегу.

Не кудрявой
И не золотистой,
Не расхожей — оторви да брось,
А совсем беспомощной,
Без листьев,
Голенькой
И вымокшей насквозь.

Видывал и в грозы и в бураны,
При ночных огнях
И на заре.
Знаю все рубцы ее и раны,
Все изъяны на ее коре.

И люблю любовью настоящей
Всю, как есть,
От макушки до пят.
О такой любви непреходящей
Громко на миру не говорят.

1965

РОДНЫЕ СЛОВА

Родные, знакомые с детства слова
Уходят из обихода:
В полях поляши — тетерева,
Летятинा — дичь,
Пересмешки — молва,
Залавок — подобье комода.

Не допускаются в словари
Из сельского лексикона:
Сугрёвушка,
Фыники — снегири;
Дежень,
Воркуны вне закона.
Слова исчезают, как пестери,
Как прясницы и веретена.

Возилкой
Не полный мешок с зерном
Вчера назвала мельничиха,

Поднёбицей — полку под потолком,
Клюкву — журавлихой.

Нас к этим словам привадила мать,
Милы они с самого детства,
И я ничего не хочу уступать
Из вверенного наследства.

Но как отстоять его,
Не растерять,
И есть ли такие средства?

1962

МЕРТВЫЕ ДЕРЕВЬЯ

Зимой все деревья голы,
В беде и в нужде равны
И стынут, как новоселы
Палаточной целины.

По цвету, по звону схожи,
Не разберешь пород:
Сосульки — вместо сережек,
Кора на любом, что лед.

Наверное, только птицам
Зимой различать дано,
В каком из них жизнь таится,
Какое гниет давно.

Но тайны исчезнут в апреле —
Всему настает свой срок:
Живые оденутся в зелень,
А мертвым тепло не впрок.

Кору обдирая с сушины,
Работают дятлы чуть свет,
Прорубятся до сердцевины,
А сердцевины нет.

1964

ПОРА И МНЕ

Журавли улетают,
Пора и мне.
Осень листья сжигает
На желтом огне.

Ветер рвет их и мечет,
Расстилает холсты,
На кустах, будто свечи,—
Щеглы,
клесты.

Лен темнеет на стлицах,
Собрать бы успеть!
Рыба омуты ищет,
Берлогу — медведь.

Даже мыши-полевки
Спешат,
Гнезда вьют.

Все боятся зимовки,
Всем дорог уют.

И друзья мои тянут
На юг, на юг,
Ближе к теплым лиманам —
От морозов в выног.

Что ж, у всех свое.
Вижу,
Пора и мне.
Только я хочу ближе
К Печоре,
К Двине,
К родной стороне.

1964

ЛИРИЧЕСКОЕ БЕСПОКОЙСТВО

Что-то мешает
Работать с охотой.
Все не хватает
В жизни чего-то.

Днем не сидится,
Ночью не спится...
Надо на что-то
Большое решиться!

С кем-то поссориться?
С чем-то расстаться?
На год на полюсе
Обосноваться?

Может, влюбиться?
О, если б влюбиться!
Что-то должно же
В жизни случиться.

Если б влюбиться,
Как в школе когда-то,
Как удавалось
В седьмом
И в десятом —

До онеменья,
До ослепенья,
До поглупенья,
До вдохновенья!

Снова стоять
На морозе часами,
Снова писать
Записки стихами.

Может быть, в этих
Наивных записках
Вдруг обнаружится
Божия искра.

И превратятся
Мои откровенья
В самые лучшие
Стихотворенья.

1961

БЕССОННИЦА

Кто он — мой дорожный сосед?
Лысоватый,
Розоволицый...
Почему не нотушит свет?
Что так долго ему не спится?

Чем встревожен и возбужден?
Может быть, за всю жизнь впервые
Из столицы направлен он
На далекую периферию?

Или сам бежит от жены,
От приевшихся разносолов
В край неподнятой целины,
В мир романтики
И новоселов?..

Выпил водочки,
Снял пиджак
И, согнувшись, дымит, вздыхает.

А ведь, кажется, всяких благ
И здоровья ему хватает.

Золотые часы на руке,
Снежно-бел воротник рубашки,
Словно сбруя на рысаке,
В блестках шелковые подтяжки.

Громыхает вагон,
Будто вскач —
Не по рельсам —
Поезд несется...
Может быть, мой сосед — «толкач»,
А «толкнуть» не все удается.

И от мелких забот,
От хлопот
Даже занолночь нет спасенья?
Может, совесть его грызет?
Иль спешит он на важный слет
И обдумывает выступленье?

Иль в торговой служит сети —
И едва припадет к подушке,
Как встают на его пути
Роковые
«Утечки», «усушки»?..

Нет, не просто на свете жить.
Чтобы ночью спалось спокойно,
Надо день провести достойно,
Не корысти —
Людям служить.

Не лукавить,
Не предавать...
Не стихи же он ночью пишет?
— Вы бы, право, ложились спать!
Но молчит сосед,
Как не слышит.

За окном мелькает луна.
Спутник мчит по своей орбите.
Что еще вам?
Чего хотите?
Доброй ночи!
Спокойного сна,
Спите! Спите!
Спокойно спите!
И колеса стучат:
«Спите! Спите!»

Но и я не смыкаю глаз:
Мало ль что на душе творится,
Что припомнилось в поздний час...

Ой как многим людям у нас
По ночам еще плохо спится.

1958

Думалось, не прибраться —
Сору в избе полно.
Может, и не стараться,
Не справиться все равно.

Словно завоеватели,
Ночь провели на полу —
Что тебе под полатями,
Что тебе в красном углу.

А помахала веничком,
Тряпкой сырой прошлась,
И оказалось — маненечко,
Ладно, что принялась.

Все уместилось в горсти,
Стоило лишь
Подмести!

1964

СЧАСТЛИВ ЛИ Я?

Что я за человек?
Счастлив ли я?—
Не могу об этом не думать.

В темном зале кино,
Если экран не кривое зеркало,—
я плачу,
над книгой правдивой
плачу,
над горем людским
плачу.
Мне тяжело, когда не могу помочь.

А за себя все-таки радуюсь:
значит, сердце мое не зачерствело,
душа у меня живая,
я — человек.

И когда сам пишу книгу
и совесть моя не спит,

и, доходя до исступления,
я тоже плачу —

гордость моя не знает предела:
значит, есть и во мне искра божия,
не зря меня кормит народ
своим хлебом.

Но плачет ли кто-нибудь
над моими книгами?

Счастлив ли я?

1964

ПОКОРМИТЕ ПТИЦ

Покормите птиц зимой,
Пусть со всех концов
К вам слетятся, как домой,
Стайки на крыльцо.

Не богаты их корма.
Горсть зерна нужна,
Горсть одна —
И не страшна
Будет им зима.

Сколько гибнет их — не счастье,
Видеть тяжело.
А ведь в нашем сердце есть
И для птиц тепло.

Разве можно забывать:
Улететь могли,
А остались зимовать
Заодно с людьми.

Приучите птиц в мороз
К своему окну,
Чтоб без песен не пришлось
Нам встречать весну.

1964

БАБОЧКА ОЖИЛА

Бабочка ожила,
Летает у потолка,
Трепетных два крыла,
Словно два фитилька.

Мягкий заслышав звук,
Прячется в тьму угла
Серый, как тень, паук:
Бабочка ожила!

Может, не ожила —
Только что родилась?
Жизнь, как и не была,
Заново началась?

Вот, подмахав к окну,
Бьется она в стекло.
Может, это весну
В комнату занесло?

Перестаю дышать,
Глаз не оторву,
Только б не помешать
Воскресшему существу!

1961

ГНУС

Мопкара, комары —
Стон, звон, гуд...
Не съедят до поры,
Так с ума сведут.
Это ж самосуд!

Сколько их? Да не счастье,
Просто — тьма,
Тьма!
Говорят: нечисть есть.
Вот она сама!

Днем — не сон,
По ночам —
Ни в одном глазу.
Я опух,
Одичал,
Сам себя грызу.

Как туман от болот,
Застия белый свет,
Он плывет — гнус,
Плывет,
Лезет в уши,
В нос,
В рот,
Просто спасу вет.

Разжигаю костер,
Больше не могу:
Запалю весь бор!
Всю тайгу сожгу!

Лучше в пекле,
В аду
Бедовать беду,
Чем такой
Надо мной
На земле
Вой!

1963—1964

ТАРУСА

К. Г. Паустовскому

Лежу на краю зеленой земли.
В небо врезаны сосны и ели.
Трудятся пчелы,
Гудят шмели...
Наверно, так с сотворенья земли:
Пчелы трудились,
Шмели гудели.

И мне захотелось от диких пчел
Урвать дарового меду.
Весь день искал,
Ничего не нашел:
Не просто теперь набрести на пчел,
С медом найти колоду.

Зато какие леса, небосвод.
Воздух — не надышаться!
А пчелы...

Пускай роятся,
Пускай для себя собирают мед!..

Лежу на земле,
Гляжу в небосвод —
Не на что обижаться.

1961—1962

ЧЕГО БОЮСЬ?

Вот, кажется, не боюсь ни черта,
А ночью
В лесу,
Когда тени густы,
В груди появляется вдруг пустота,
Как перед прыжком
с большой высоты.

Из-за чего бы?
Ведь я — один:
Ни ветра в верхах,
Ни возни в кустах...
Но из каких-то тайных глубин,
Из недр души
поднимается страх.

Отчаянным называют меня.
Быть может, и впрямь
я таким кажусь,

Был на войне —
не бежал от огня...
Так почему ж темноты боюсь?
Пль неизвестность пугает меня?

Как клеветы —
Темноты боюсь.

1960—1964

СПАСИБО СОЛНЦУ

На восходе
вершины сосен
вспыхнули под солнцем,
и у каждой образовалась своя корона.

Солнце понесло огонь по лесу,
по речным сенокосам,
по всей земле —
и всё на земле
старалось уподобиться ему.

Папоротники,
еще не просохшие от росы,
развернулись, будто солнечные кокошники.
Водяная струя под берегом
превратилась в лучистый зонтик,
и по краям его
заграла радуга.

У рыжей волнушки
пушистая юбочка с оборками
стала походить
на солнечные протуберанцы.

Подсолнух — солнце,
кружевная паутина — солнце,
даже старый глухарь,
распустив хвост, плясал на сосне
и выдавал себя за восходящее светило.
Кому же и поклоняться в этом мире,
как не яриле-солнцу?

И я,
выйдя из своего охотничьего домика
на Бобришном угоре,
повернулся лицом к реке,
которая внизу текла тоже, как солнце,
снял кепку
и сказал ему, огнеликому:
— Нет, человек произошел не от обезьяны!
Мне хорошо с тобой, солнце.
Спасибо тебе!

1963

ПОЧНАЯ ОХОТА

Неужель последним днем
Станет день вчерашний?
Неужели мы умрем?

На сосне сидим
Вдвоем,
Над овсяной пашней,
И с медведем схватки ждем,—
Может, рукопашной.

Кто в тайге ни запоздал
Этой ночью стылой —
Песни пел
Или кричал,
Чтоб не страшно было.

Торопливо
От болот,
Не дорогой — полем
Ребятишки гонят скот.
Заблудились, что ли?

Далеко слыхать, как бьют
Плетками с размаха.
И смеются,
И поют,
И кричат —
От страха.

Пронеслась толпа девчат.
Словно птичек стая,
Оглашенно хохоча —
Страх превозмогая.

Нам ни двигаться, ни петь,
Мы сидим, как мыши:
Может, рядом он, медведь.
Видит нас и слышит?

В речке рыба раз и два
Бухнула спросонок,
Да заплакала сова,
Как больной ребенок.

Налегке молоковоз
Большаком проехал:
Звон бидонов,
Стук колес —
И опять лишь эхо.

Воздух, будто про запас,
Полым ртом хватаем
И в десятый,
В сотый раз
Ружья проверяем.

Вдруг курки не взведены,
А медведь в засаде?
Что как с тыла,
Со спины
Он насядет,—
Сзади?

Вдруг не выдержит сосна?
Ведь бывает всяко...
И настала тишина,
Как перед атакой.

Ничего не разглядеть,
Словно в преисподней.

Может, все-таки медведь
Не придет сегодня?..

1958—1965

МЕДВЕДЯ МЫ НЕ УБИЛИ...

Феликсу Кузнецову

Медведя мы не убили,
Но я написал рассказ
О том, как медведя убили,
Какие мы храбрые были,
Когда он пошел на нас.

Как вздыбился,
Зарычал он
И как он потом затих.
Охотничьего материала
Хватило еще на стих.

В журнале меня хвалили
За правду,
За мастерство...
Медведя мы не убили,
Не видели даже его.

И что еще характерно:
Попробуй теперь скажи,
Что факты не достоверны,
Тебя ж обвинят во лжи.

1965

ВСЕ МОЖЕМ

Порой посчитаешься
Вдали от Москвы
И сам похваляешься:
— Вот мы каковы!

Моря рукотворные
Шумят там и тут,
Отрогами горными
Плотины встают.

Все можем:
Мы молоды
И все — впереди.
Излишние в Вологде
Умерим дожди.

Дай срок, и на северс
В торосах почти
Чего б ни посеяли —
Все будет расти.

Все можем!
Вселенную,
Чтоб больше квартир,
Сдадим к заселению
Под наш новый мир.

Без устали трудимся...
Но вот о чем речь:
Когда ж мы научимся
Друг друга беречь?

1958

ДОРОГА В НЕБО

Дорога змеится в небо,
Подтягиваясь на хвосте.
Кто в этих широтах не был —
Что знает о красоте?
Цветы на горах, как звезды,
По самую кромку льда,
А в пропасти синий воздух
И вогнутая вода.
Здесь снег высыхает —
не тает,
И грязи не знает земля.
Орел в облаках летает,
Крыльями не шевеля.
До крика охота,
до муки
Шагнуть с отвесной стены,
Чтобы, раскинув руки,
Проверить,
Сбываются ль сны.

1965

НА ОДНОЙ ВОЛНЕ

Георгию Леонидзе

Живем на разных концах земли,
Годами порой никакого общенья,
Но с каждым новым его твореньем
Мое удивленье
И восхищенье,
И преклоненье пред ним росли.

И вот я в больнице
Вдали от родни,
Больница какая ни есть — больница.
Мне в горы бы, к морю,
На озеро Рица,
А я, как в неволе:
Бесцветные дни,
Не естся, не пьется,
Даже не спится.

За стеклой из крана течет вода.
Опять уколы
И сульфамиды.

Какие-то зреют в душе обиды —
На что? На кого?
Да так, ерунда...
И вдруг появляется он —
Тамада.

Как мало я знал о нем, тамаде:
Ведь речи застольные —
Только речи,
А человек раскрывается легче
Не на пирах,
А в беде,
В нужде.

Дохнуло огнем виноградных лоз,
Поэзней солнца,
И я, как мальчишка,
Как школьник, ликую.
А он — Дед-Мороз
С душой нараспашку,
С кульками под мышкой,

Неугомонный,
Как добрый дух,
По-новому ставший близким до боли.

И отлегло ощущенье неволи:
Раздвинулись стены,
Воспрянул дух.
Пришел — и не надо мне пуда соли,
Чтобы почувствовать:
Это — друг!

Так день за днем,
И быстрей вдвойне
Ко мне возвращалась прежняя сила:
Он рядом —
И я не в чужой стороне,
Уже разговор на одной волне,
Он — рядом, и кажется,
Будто мне
Сама Иверия душу открыла.

1962

НЕ ДРАЗНИ МЕНЯ...

«Как сказать мне для прекрасной Лалы...»
С. Есенин

Убери свои губы, Нуну,
В одиночку перебедую,
Не тревожь:
Кого обману,
Если я тебя поцелую?

Мне твой черный огонь сродни,
По душе он северным людям.
Но куда —
От семьи, от родни?
Будут слезы —
Себя осудим.

Много есть и других помех:
Разность возрастов,
Разность веры.
Не простят даже малый грех
Изуверы
И лицемеры.

Расскажи мне лучше о том,
Как там Лали —
В чести п в холе?
Раз я был приглашен к ней в дом,—
Ради дружбы народов, что ли?

И поныне память в плену
У нес.
Ты же знаешь Лали?..
Убери свои губы, Нууну,
Чтоб народы не пострадали.

Что за власть у таких, как ты!
Что за слабость,
Какая сила!
Только я боюсь малты,
Немота бы не охватила.

Поседел от забот, от дел,
Уж не знаю, душа жива ли?
Не дразни меня, что не смел,
Извини меня, генацвале...

Но, признаюсь,
Если бы Лали —
Ни на что бы не посмотрел.

1962

ПРОСЬБА

В Тбилиси, на мраморном надгробье А. С. Грибоедова, поставленном его женой, Ниной Чавчавадзе, высечена надпись: «Ум и дела твои бессмертны в памяти русской, но зачем пережила тебя любовь моя».

Окрыли меня, страна гор,
Одари светом душу.
У меня один разговор,
Как у рыбы,
 выброшенной на сушу.

Если можешь, в сыны прими,
Мне дворцов от тебя не нужно.
Помоги взлететь,
Подымы —
Там подхватит поток воздушный.

Приучусь к твоему труду,
И к камням прикипеть сумею,
И любую твою беду
Назову судьбою своею.

Силы есть
И годов запас...
Но чтоб жизнь начинать сначала,
Мало мне
одних
моих глаз,
Одного сердца тоже мало.

Мало просто расправить грудь,
Разогнуть усталую спину.
До конца ко мне щедрой будь:
Подари мне
Верную
Нину.

1962

ТЕРЕК

Переехав его на машине
Не по мостику —
Вброд,
В котловине,
Не на равнине,
Через мутный водоворот.

С валуна на валун
На «Победе»,
На обычной, на легковой,
Я характер его изведал
И теперь говорю:
Он мне — свой.

П прожив полсотни без мала
Не в затишье,
А на юру,
Так, что в жилах кровь клокотала,
Я его в собратья беру.

Я его бесконечно моложе,
Все же,
Крайностям вопреки,
В чем-то мы по-хорошему схожи —
Однокашники,
Кунаки.

1962

ДУНАЙСКИЕ КОНТРАСТЫ

1. НА ДОРОГАХ

Буйволы тяжелорогие,
Мохнатые,
Молчаливые,
Шагают по желтой дороге,
Как призраки неторопливые.

Глаза у них студенистые,
Как лыжи — копыта длинные,
Хвосты, что бичи, посвистывают
Над пропотевшими спинами.

Все — древнее,
Довоенное,
Скрипучее,
Деревянное,
И поле будто яремное,
И небо вроде саманное.

А рядом шоссе раскаленное,
Несутся машины быстрые,

То черные,
То зеленые,
Неистовые, как выстрелы,

На поворотах взвизгивая —
За легковой легковая,
Солнце вокруг разбрзгивая.
Музыкой обдавая.

Мне в диво не эти молнии,
А то, что рядом
Безмолвные
Буйволы, как привидения,
Вышагивают
Без удивления.

2. КРИЧАЛИ ГРАЧИ

Теперь здесь лен-долгунец,
пшеница.
И рожь любой похвалы достойна.
Земля добра.
А в этих границах
Была когда-то
уездная бойня.
Все в памяти живо:
крапива, кустарник.

Высокий забор по берегу речки,
Березы, как в парке...

А пахло овчарней

И кровью,
Тоже, конечно, овечьей.

В березах грачи кричали тревожно,
Но жизнь текла —
светла и спокойна.

Работа спорилась,
Все шло как должно:
По форме,
По норме
И в очередь —
Бойня!

И только когда прибывала отара —
Преображалась мирная пристань,
Как будто белые клубы пожара
Врывались сюда
из далей лесистых.

Вдруг начиналось столпотворенье,
Шараханье
от березы к березе.

Куда исчезало овчье смиренье?
Покой и порядок —
Все под угрозой.

Повалят забор
да ринутся с кручи —
Стихию
попробуйте укротите!
Но был на бойне
на этот случай
Баран Гапон,
Баран предводитель.

Понятно, ему особое пойло,
Запарка, заварка,
муки в излишке,
Охранный билет,
особое стойло
И никакой там стрижки
и брижки.

Барана пускали
в смятенноe стадо,
И он,
отъевшийся,
мудрый и старый,

Легко восстанавливал нужный порядок
И неторопко
Туда, куда надо,
Тянул за собой овечью отару.

Кричали грачи
тревожно,
по-грачыи
Над мирной, как парк,
уездною бойней...
А если б грачи кричали иначе,
Казалось бы — неспокойно.

3. ХЛЕБ СОЗРЕЛ

Хлеб созрел.
Обвисли плоды.
Степи желтые. Небо синее.
На привале вместо воды
Апельсиновый сок.
Мы в Румынии.

Я с комбайнером на борозде,
Как с дружком-земляком беседую.
Уваженье к сельской страде
У меня родовое, дедово.

Он, как бог, стоит
В полный рост,
На ладони зерно разглядывая.
А зерно течет, вроде звезд,
Промеж пальцев
Живой прохладою.

Все мне близко здесь, все сродни,
Душу радуют дни погожие:
И волненья у нас одни,
И заботы,
И думы схожие.

Руки к желтым ручьям тяну,
И горжусь,
И хвалюсь пшеницею,
Будто я у себя — на Дону,
На Кубани,—
Не за границею.

4. В ГОРОДЕ КАССИЯНЕ

Что-то дантовское, что-то адовое,
Неожиданное,
Невиданное,
Небывалое угадываю,
Ощущаю необыденное.

Как мираж в песках, переменчива,
Полусказочная,
Как вселенная,
С львиной гривой,
Почти не женщина,
Несравнимая,
Несравненная.

Безрассудно незаземленная —
Слышу только сердцебиение, —
Окрыленная,
Всегда влюбленная,
Воплощенное вдохновение.

Для меня, как дорога дальняя,
Как дыханье, необходимая,
У плеча,
А почти персальная
И уже навсегда любимая.

Вдаль глядим,
Стоим пораженные —
Встреча это иль расставание? —
Зачарованные,
Завороженные,
Обреченные на молчание.

УЛИЦЫ МОСКВЫ

Просторней стали улицы Москвы,
Все больше в них листвы и синевы.
Все меньше узких улиц,
старых, грязных,
Ямских,
Кривоколенных,
Непролазных.

И все трудней для узких и кривых,
Прославленных за ширь в былые годы,
Перепускать ие конные подводы —
Поток грузовиков и легковых.

Дрожат дома,
И хмурится вода,
Коробится и гнется мостовая,
Когда за полночь, тяжко засыпая,
Москвою мчатся автопоезда.

Легко ль Ордынке, скажем?
В малый срок
Небойкой ей, почти провинциальной,
Стать довелось центральной,
Магистральной,
Одной из оживленнейших дорог.

И хоть она по-прежнему крива,
Но волею судеб
с Замоскворечьем
Связала Кремль —
И ныне вся Москва
Ложится ей на узенькие плечи.

Опоры, стрелы, провода ведут
К большим хлебам,
к степному океану,

И в Южный порт,
И в Ясную поляну,
И в Горки Ленинские,
 и в Орду...

Ей пелегко,
Как москвичу тому,
Что выбился из робкой хвойной дали:
Все не под силу кажется ему,
Все не по росту
Да не по уму;
Но он уже на главной магистрали.

И пусть безмерна тяжесть,—
 все равно
Он сдюжит.
Брызнут все проулки светом
В свой срок, в свой час
 по планам и проектам:
Тверская стала Горьковской давно,
Тракт на Калугу —
Ленинским проспектом.

1961

ВЕШНИЕ ВОДЫ

Ждать остается недолго.
Чую: близка весна!
Тронется матушка Волга,
Следом за ней Двина.

И, подпирая друг друга,
Тронутся наверняка
Вычегда
И Ветлуга,
Вологда
И Ока.

Льдины вздыбив до неба,
Хлынут красою всей
Пинега
И Онега,
Лена и Енисей.

Тронутся — не остановишь —
Солнечным током смол
Мимо рыбачьих становищ,
И городов,
И сел.

Грохотом обдавая,
Холодом леденя,
Грянет передовая
С ходу
Всей мощью мая,
Зелени и огня.

К северу, к югу —
С ходу
В сторону морей
Хлынут вешиние воды...

Хлынули бы скорей!

1963

К ТЕБЕ ОБРАЩАЮСЬ, ДУША МОЯ!

Когда меня еще не было —
поэзия существовала.
Поэзия останется,
когда меня уже не будет.
Она повсюду:
в природе, в людях,
во мне
и вне меня,
как световые лучи
и как радиоволны —
в атмосфере
и в космосе.

Стихи существуют и не написанные,
не зарифмованные,
не напечатанные,
еще не почувствованные никем,
как антимир,
и пока не уловленные,
как биотоки Вселенной.

А поэт — вроде приемника.
И, если он настоящий поэт,
не сбитый с толку славой и наградами,
не чиповник, а человек,
думающий и страдающий.
он пропустит волны поэзии
через свою судьбу,
через свою душу.

Весь мир — поэзия.
И я обращаюсь к тебе, душа моя:
будь хорошим приемником,
чутким, многодиапазонным,
всеволновым, как двадцатый век, —
приглушина одна волна,
переходи на другую,
чтобы ощутить поэзию
как биотоки людских сердец.

1964

О БЕЗОТВЕТНОЙ ЛЮБВИ

Пусть — безответно,
Только бы любить,
Только б не бесследно
По земле ходить.

Трав густым настоем
Дышать в шалаше,
Только бы простоев
Не знать душе.

Небом или сушей
За любимой вслед —
То же, что в грядущее
Взять билет.

Скрыто жить, в немилости,
Но в любой миг
Из-под ног вырасти
На ее вскрик.

Для меня не горе
Судьба бобыля,
Пахло б морем — море,
И землей — земля.

Буду жить, как птица,
Петь, как ручей.
Только б не лишиться
Бессонных ночей.

Пусть безответная,
Пусть, пусть!
Как-нибудь и с этой
Ношей примирюсь.

Ни на что не сетую,
Только бы любить.
Давай безответную —
Так тому и быть.

Впрочем, что ж охотно
На костер лезть?
Мы еще посмотрим,
Время есть!

1962—1964

АЭЛИТА

Очень хочется полюбить
Безответственно,
Безрассудно,
Молодеть,
Других молодить,
Плыть под ветром весны попутным.

Очень хочется полюбить,
Чтобы жизнь не текла напрасно,
Самому судить
И рядить,
Властелином быть
И подвластным.

Слой листвы прошлогодней сгнил.
Сквозь покров
Перепревший, ржавый,
Среди тысяч братских могил
Изо всех своих свежих сил
Пробиваются новые травы.

Буераки еще в снегу,
Но по склонам гнездятся птицы,
Над деревьями гам и гул.
Очень хочется преобразиться,
Петь по-птичий,
А не могу
Ни к чему,
Ни к кому прибиться.

Разнесла весна все мосты,
Путь-дорога моя размыта.
Но другая —

к звездам —

открыта.

На какой же орбите ты,
Моя Аэлита?

1963

БЕЛИЧЬИ СВАДЬБЫ

Начинаются беличьи свадьбы,
Бор в слепящем морозном огне.
Не положено,
А летать бы
По сосновым верхам и мне.

От возни на земле отрешиться,
От чужих отмахнуться забот,
Ни за что не болеть,
Ничего не страшиться,
Жить, как ветер в вершинах живет.

Небо зыбко
И сучья хрупки,
Но ведь тем и свята простота,
Что в глазах только беличьи шубки
Да манящие вепышки хвоста.

Я скользжу за колхозные гумна,
Оседает под лыжами снег.

Птицы с веток срываются шумно
И ныряют в сугроб на ночлег.

Как все просто в березнике частом,
Снова ростепель входит в права...
Не погибли бы только под настом
Простодушные тетерева.

1964

СМЕРТЬ БЕРЕЗКИ

Пробивалась березка к свету
Из колючего хвойняка.
Тонкий ствол, будто след ракеты,
Поднимался под облака.

Кисло пахло гниеньем,
Тленьем,
Мхом болотным,
Сырой травой.
Редко, редко, как избавленье,
Как надежда на избавленье,
Солнце вспыхивало над головой.

Пробивалась, да не пробилась,
Продиралась —
Не продралась:
Изогнулась,
Перетонилась,
Отдалась соседям на милость
И с землей потеряла связь.

Над увядшей ее листвою,
Будто волны мертвой воды,
Равнодушно сомкнулась хвоя,
Не почуяв чужой беды.

1965

УЛЫБКА

А тебе улыбка идет.
Улыбайся почаще, милая!
Что сравнится с твоюю силою,
Ни к чему подкрашивать рот.

Чуть раздвинутся уголки,
И скажи — поди — не красавица,
Слишком смелые пареньки
Замолкают и расступаются.

На кругу выходи вперед,—
Что тебе их мода постылая?
Улыбайся почаще, милая,
Так улыбка тебе идет!

Теплоты и света полна,
И участливая,
И беспечная,
Задушевная,
Добросердечная—
Очень людям нужна она.

Счастье ждет тебя у ворот,
Красота твоя не бескрылая.
В мире многое еще невзгод,—
Улыбайся почаще, милая!

1964

ДЕБОРА

Красивое имя — Дебора,
А в чем красота — не пойму.
В нем что-то от дикого бора,
От запахов хвойных в дому.
А ты в городском терему
За красным высоким забором.
Хорошее имя — Дебора.
В лесу зазвучать бы ему!

«Дебора, уже рассветало!»
«Дебора, стемнело уже!..»
В каких ты краях побывала?
И что у тебя на душе?
Тебе бы скорее пристало
В моем обитать шалаще.

Вот в платьице с синим отливом.
Босая, коса на весу,

Ступая по мху боязливо,
Идешь над зеленым заливом —
И травы роняют росу.
Глядят на тебя, как на диво.
Все звери, все птицы в лесу.

Красивое имя Дебора —
С брусликой, с грибами в ряду.
Брошу по лугам, по озерам,
Ревниво твержу на ходу:
«Дебора, Дебора, Дебора!..»
Ужели я зря тебя жду?

1962

ПОСЛЕДНЕЕ ПОСВЯЩЕНИЕ

1

Еще вчера была жара,
Сегодня жгу костры.
Еще вчера была гора,
Сегодня нет горы.

Еще вчера в душе был бог,
Я жить и верить мог,
Лишь день один — и нет любви:
Как хочешь — так живи.

Еще вчера...
И все — дотла.
Сгорело...
Замело...
Земля вокруг белым-белая,
В душе голым-голо.

2

Часто я вижу тебя во сне,
В жизни реже случается,

Но и во сне
Все не по мне:
Сердце не согревается.

Трудно живу,
Молча живу,
Молчу до ожесточения,
И не сказавшееся наяву
Врывается в сновидения.

Как же должна быть душа полна
Горечью и обидами,
Если ни разу доброго сна
Я про тебя не видывал!

1962

ГОЛОСА ВЕСНЫ

Весна всему свой голос дарит —
Воде, листве, земле — всему:
Кострам в лесу,
И птичьей паре,
Глазам
И сердцу моему.

Все началось с простой капели,
И вот уже текут снега,
И зажурчали,
зазвенели
Деревья,
Воздух
И луга.

Несется плеск с речных излучин,
В овраге ветер струны рвет,
Весь мир разбужен
И озвучен
И дирижеру смотрит в рот.

С утра в бору —
Зачем, не знаю —
Миу старый ягодник, траву
И повторяю, повторяю
Свое пытливое «ау»!

Слух напряжен
И сердце бьется.
Я словно чуда жду в глухи:
Быть может, кто-то отзовется
На музыку моей души.

1964

ОСТУДА

Нет в любви ее ревностной
Ни добра, ни просвета,
Извела меня ревностью,—
Может, ненависть это?

Оскорбительным бдением,
Ежедневным дознанием,
Нарочитым смирением,
Исступленным молчанием...

Извела,
Измотала,
Все ей мало.
И сама до бессонницы,
До остыды устала.

А теперь обижается —
Редко в дом заявляюсь,
А теперь удивляется,
Что от рук отбиваюсь.

1963

МИР — ИЗ ОГНЯ

Ночь надвигается, словно старость,
А я не засну.
Сколько женщин в жизни встречалось —
Вижу только одну.

Встретил ее —
И с этого дня
Верю, что мир возник из огня:
Заново — твердь,
Заново — свет...
Ныне на всей земле для меня
Женщин других нет.

Все — от нее,
По ее веленью,
Счастье и маята.
Может, прорежется новое зренье?
Может, как высшее просветление,
И на меня снизойдет слепота?

Как обо всем об этом сказать?
Что ни скажу — солгу.
Страшно смотреть мне в ее глаза
И не смотреть не могу.

В море тонул я,
В пустыне рыжей
Околевал не раз,
Падал под пулями —
Выдюжил,
Выжил!
Выживу ли сейчас?

1962

ЕСЛИ Б ТЫ ПОДАЛ ГОЛОС...

Когда я в лесу заблудилась
И, выбиваясь из сил,
То плакала, то молилась,
Мой милый, скажи на милость,
Ты где в эту пору был?

Когда поднялась непогода,
Ночь выла на все лады —
Искал ли мои следы?
Ведь если б ты голос подал,
Не было бы беды.

Ах, если б ты подал голос,
Аукнул хотя бы раз,
Душа бы моя боролась.
Отчаянью не поддалась!

И этих сомнений мука
Не выросла б до небес...

Но, может быть, ты аукал,
Да я не слыхала —
Лес!

1962—1964

СУХОЕ ВИНО

Он любил сухое вино,
всю жизнь только сухое —
натуральное,
кисловатое, как сама земля,
и окрыляющее, как ветер гор.

Сухие грузинские вина после войны
шли под номерами,
этикетки их напоминали солдатские погоны.
С красочных молдавских этикеток
слетали длинноногие добрые аисты,
лучшее армянское
называется золотой лозой —
воскеваз.

Сухое — оно не дурманит голову,
не отяжеляет рук и ног
и в сердце вселяет любовь к людям.

а не злобу,
желание творчества,
а не отвращение от дел.

...Всю жизнь только сухое!

Но по нужде ему приходилось пить
все, что бог пошлет,
что поставят товарищи,—
все от самогонки до «сучка»,
от терпкого вермута в сельских чайных
до маслянистого,
с глицерином,
разливного портвейна
в городских забегаловках.

А когда жил в Заполярье,
приходилось пить даже спирт,
чтобы не замерзнуть на оленевых перегонах,—
спирт легкий, как огопь,
холодный, как северное сияние,
и уже привык,
чтобы время от времени

что-то обжигало ему горло и душу
до слез,
до придохания.

Так всю жизнь.
Хотя сердцем он был привязан
только к сухому
и любил лишь его,
как всю жизнь любят свою жену
и только ее одну.

1964

С МАТЕРЬЮ НАЕДИНЕ

Для всех ты давно — бабушка, бабка,
а для меня все — мама.

Для всех я, если не дед, то дядя,
а для тебя все — парнишка.

Что знаешь ты о моей жизни?

Жалеешь меня
иль гордишься мною?
Верно, думаешь, что я вышел в люди,
так почему плачешь,
когда я домой возвращаюсь?

Ничего из меня, мама, не вышло,
и мудрость с годами не прибывает,
душа по-прежнему не на месте,
и в ласке твоей, как в детстве, нуждаюсь.

Почему ты, мама, меня сильнее?
Иссохшая, старая,
а не больная.

Пахать бы мне землю, как ты пахала,
зимой ладить дороги,
а летом сани,

и не искать бы иного счастья,
бояться суетности, как заразы!
Ведь нет все равно ничего на свете
милей твоего немудрого крова.

Не будет тебя — куда я поеду? —
Чужие люди займут наш угол.
Но почему ты, мама, боишься,
когда прихожу я к тебе за советом?

1964

РЕЧКА ВЕРТУШИНКА

Над тобой не одна осинка
Одурманенно склонена.
Колдовством твоим, Вертушинка,
Вся душа до краев полна.

Завертела,
Обворожила,
Закружила меня чуть свет.
Что ж ты делаешь, вражья сила? —
И зимой избавленья пет.

Не в разливе ж,
Не в половодье,
Не невеста — в соку, в цвету,—
Будоражишь не по погоде,
Опьяняешь — невмоготу!

С увлеченьем,
С ожесточеньем,
Изворачиваясь и дразня,

Обнажаешь мои коренья,
Словно хочешь свалить меня.

Не весеннее наше дело:
Сколь ни тесься,
Ни молодись —
Я не тот,
И ты обмелела,
Так застынь же,
угомонись!

1961

В М Т

На маховике коленчатого вала
выбита мета из трех букв: ВМТ.
Об этой мете знают

механики и мотористы,
водители всех машин.
Когда поршень доходит
до Верхней Мертвой Точки,
его движение как бы на миг
замирает,
взрыв сжатой горючей смеси
толкает его обратно,
а к ВМТ стремится другой поршень,
под новый взрыв,
как под удар гильотины.

У каждого поршня
есть своя Верхняя Мертвая Точка.
Есть она и у солнца в полдень,
у моря во время прилива,

у Спутника в его апогее,
у птицы в полете — ее потолок.

В судьбе каждого человека
встречается Верхняя Мертвая Точка.
Выше ее — ничего
ни по ту, ни по эту сторону жизни,
только — вниз,
только — обратно.

И все-таки человек всю жизнь
стремится
к своей ВМТ, как река к морю,
как дерево к солнцу,
как жизнь к смерти.
Может быть, ВМТ —
это и есть счастье?

А спортсмены называют Мертвую Точкой
миг своей наивысшей слабости
и боятся ее,
и преодолевают на каждом соревновании,
потому что за нею следует
новый взрыв энергии
и прилив новых сил.

Я — человек.
Чтобы жить,
я хочу одолеть свою слабость,
свою ВМТ,
уйти от равновесия,
даже если в нем мое счастье.

1964

Лес поседел от инея,
Бел, как сама зима,
Что ему дюны синие,
Снежная кутерьма!

Закостенев от холода,
Он терпеливо ждет:
Ранней весною молодость
Снова к нему придет.

Мне ничего похожего
Не принесет весна,
Вот почему встревожен я —
Жизнь у меня одна.

Все невозвратно:
Сильный ли,
Слабый ли человек,
Раз лишь прихватит инеем —
И седина навек.

1965

ОГОНЕК

Светлячок во мгле —
Огонек в лесах.
Может, он на земле?
Может, в небесах?

Может, свет костра
Мерцает вдали?
Может, звездочка —
Сестра
Нашей земли?

В бесконечной ночи
Тьма густа, пуста.
Но не меркнут лучи
Светлого поста.

Изнемог,
Сбился с ног,

Но горит впереди
Огонек,
огонек —
Свет в моей груди.

1962

ВСЕ ДЛЯ ЧЕЛОВЕКА

Шел дождь,
небо соединялось с землей,
шумели сосны,
над бором погрохатывало.

А городской человек
вошел в глубь леса,
осмотрелся
и ахнул:
— До чего хороша тишина!

Сколько же он должен был страдать
от нестройного гула и звона,
от лязга и крика,
сколько лет должен был кричать сам,
чтобы вдруг,
забредя в лес,
где просто — муравьи и птицы,
мох и звонкоголосый родничок,—
так вот почувствовать,
так до слез полюбить тишину?!

И сколько лет
должен был человек
мотаться из города в город,
ютиться в кирпичных и железобетонных домах,
дышать дымом и пылью,
пить нечистую хлорированную воду,
принимать по утрам пирамидон
от головной боли,

чтобы, наконец,
в обыкновенном лесу
обрадоваться, что на подошвах его
не грязь, а хвойные иглы и листья,
и удивиться,
и сказать самое простое:
— Все в этом мире для человека,
почему же он не понимает,
как хорошо жить в лесу?

1963

ДОБРУ ОТКРОЕТСЯ СЕРДЦЕ

Не свалит меня бездорожье,
Я с детства ходил без сапог
И сколько б теперь ни прожил —
Ничто для дубленой кожи
Неровность лесных дорог.

Без страха брожу по осоке,
По гальке,
Через поля.
Дресвы не боюсь на тропке...
Все лишние электротоки
Берет из меня земля.

А с ними,
Почти бесследно
Рассасываясь, как вода,
Все злое,
Дурное,
Вредное
Уходит в песок навсегда.

И остается в теле,
В душе
После долгих бед
Лишь то,
Без чего ни веселья,
Ни счастья на людях нет.

Мне просто необходимо
Босым по земле ходить,
Чтоб верить
и быть любимым,
И самому любить.

Ступи, мой товарищ, попробуй
И ты в холодок росы,
Сорви надоевшую обувь,
Пройдись по земле босым!

В глаза, будто память о детстве,
Зеленые глянут места,
Добру откроется сердце
И совесть будет чиста.

1963

С О Д Е Р Ж А Н И Е

В ночь под пятьдесят	5
----------------------	---

СОВЕСТЬ

По своей орбите	9
Переходный возраст	11
«Страшно любить и быть нелюбимым...»	13
«В несметном нашем богатстве...»	15
Спешите делать добрые дела	16
Торжественное обещание	18
Пустырь	20
Москва — Вологда	22
Неулыбчивому человеку	24
Юг-река	26
«Я давно на родине не был...»	27
Сны	29
«Я встретил женщину...»	31
Районная красавица	33
Память	35
По свежему снегу	37
Земной поклон	38
«Боюсь любви, а не любить — не жить...»	40
Март	41
«Весна — куда ни кинешь взгляд...»	42
На проталинах	44
Гость	46

Заморозок	47
Добрый праздник	48
«Промыли в окнах стекла...»	50
Письмо в «Лесную газету»	52
Показуха (письмо из родной деревни)	55
«Не верю, что звери не говорят...»	59
«Всполошились над лесом воробы...»	61
В чужом краю	63
Исповедь	65
Люблю все живое	67
«И я обманывал...»	69
Чудо-сабля	71
Чудеса	73
Обсерватория Улугбека	75
Находка	76
Русский язык	78
Родничок	79
Мать	80
О насущном	81
«Ты такое прощала...»	83
«К сиротской доле относясь с участием...»	85
«Да, отзывчивая, да, сердечная!...»	86
«Странно, ты стала какой-то стыдливой...»	88
Хочу весну!	89
«Только живи, ничего не надо...»	92
Утром не умирают	93

ЛЕНИНСКИЕ ДНИ

С годами...	97
У кабинета Ильича	99
В его городе	101
Зимний фотоснимок	103
Пуговка	104
Красная площадь	107
Глазами Ленина	109
Напутствие сыну	111

ИЗ РАЗНЫХ КНИГ

«Назови меня именем свет- лым...»	115
«Нынче наши нелады...»	116
«Листья осенние шелестят...»	118
В морском музее	119
Не разучился ль ходить за плу- гом?..	121
Не умру	122
Перед дорогой	124
«Тянет в простор полей...»	126
Березовые колки	128
Твоя Родина	130
Учетчица на льду	132
Поля Батракова	135
В гостях у сына	139
Орел	143
Песочные часы	144
«И что из того, что уходят года...»	146

«Пожелай—и останусь навеки...»	147
Лисица	148
«Что-то есть в тебе очень хоро- шее...»	150
«Пусть не пишешь, запираешь двери...»	151
Поздней осенью	152
«Если б ты в реку упала...»	154
«Шла я нынче зaimкой...»	156
«Ночка лунная светла...»	158
По рукам пошла красавица	159
Заречная красавица	161
Зверолов	164
Речка и тропка	168
Все расскажи	170
Судьба	171
Извечное	173
«Опять я целый день негодо- вал...»	175
В день рождения	176
Зайчонок	177
Только на родине	179

БОСИКОМ ПО ЗЕМЛЕ

I

Чистый бор	183
Зapasаемся светом	184
О моей святыне	187
Мы уже боялись	190
На Бобришном угоре	192

Обнова	195
В бору случилось невозможное	197
И стали мы пить чаек...	199
Топятся печи	203
Босиком по земле	205
Первый птенец	207
Вся жизнь на виду	209
Сиверко	211
Лесные дуги	213
На заячих тропках	216
Жили-были...	218
Сказка про медведя	220
Тетерев	222
Рябчики в снегу	224
После снегопада	226
Песня без слов	228
Про березку	230
Родные слова	232
Мертвые деревья	234
Пора и мне	236

II

Лирическое беспокойство	238
Бессонница	241
«Думалось, не прибраться...»	245
Счастлив ли я?	246
Покормите птиц	248
Бабочка ожила	250
Гнус	252
Таруса	254
Чего боюсь?	256
Спасибо солнцу	258

Ночная охота	260
Медведя мы не убили...	263
Все можем	265
Дорога в небо	267
На одной волне	268
Не дразни меня...	271
Просьба	273
Терек	275
Дунайские контрасты	277
1. На дорогах	
2. Кричали грачи	
3. Хлеб созрел	
4. В городе Кассияне	
Улицы Москвы	284
Вешние воды	287
К тебе обращаюсь, душа моя!	289

III

О безответной любви	291
Аэлита	294
Беличьи свадьбы	296
Смерть березки	298
Улыбка	300
Дебора	302
Последнее посвящение	304
1. «Еще вчера была жара...»	
2. «Часто я вижу тебя во сне...»	
Голоса весны	306
Остуда	308
Мир — из огня	309
Если б ты подал голос...	311

Сухое вино	313
С матерью паедипе	316
Речка Вертущинка	318
ВМТ	320
«Лес поседел от ииия...»	323
Огонек	324
Все для человека	326
Добру откроется сердце	328

АЛЕКСАНДР ЯКОВЛЕВИЧ
ЯШИН

БЕССОННИЦА

Редактор Д. А. Смирнов

Художник В. В. Медведев

Художественный редактор

Н. Л. Юсфина

Технический редактор

Н. И. Коробкова

Корректоры

З. А. Росаткевич и Н. Д. Бучарова

Сдано в набор 27/IV-67 г. Подписано к печати 12/X-67 г. Ф. бум. 60×90¹/₃₂. Физ. печ. л. 10,5. Уч.-изд. л. 7,4. Изд. инд. ЛХП-78. А12349. Тираж 25 000 экз. Цена 92 коп. в переплете. Бумага № 1.

Издательство «Советская Россия».
Москва, проезд Сапунова, 13/15.

Книжная фабрика № 1 Росглавполиграфпрома
Комитета по печати при Совете Министров
РСФСР, г. Электросталь Московской области,
Школьная, 25. Заказ № 374.

Цена 92 коп.

«СОВЕТСКАЯ РОССИЯ»

